

ЦЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ.

Рабочие волнения в последнее время снова заставили повсюду усиленно говорить о себе. Обеспокоились и правящие сферы, обеспокоились не на шутку: это можно видеть из того, что сочли необходимым «покарать» приостановкой на одну неделю даже такую архиблагонмерную, всегда угодничающую перед начальством газету, как «Новое Время»¹, за его статью в ном. 9051 (от 11 мая) «По поводу рабочих беспорядков». Кара вызвана, конечно, не содержанием статьи, которая преисполнена самых добрых чувств по отношению к правительству, самой искренней заботливости о его интересах. Опасным признано всякое обсуждение этих «волнующих общество» событий, всякое упоминание об их распространении и их важности. Приводимый нами ниже тайный циркуляр (от 11 же мая) о том, чтобы печатать статьи о беспорядках на наших фабриках и заводах и об отношениях рабочих к хозяевам только с разрешения департамента полиции, доказывает лучше всяких рассуждений, насколько само правительство склонно считать рабочие волнения событием государственной важности. И статья «Нов. Вр.» представляет особый интерес именно потому, что в ней намечается целая государственная программа, которая, в сущности, целиком сводится к тому, чтобы потушить недовольство посредством нескольких мелких и частью лживых подачек, снабженных громкой вывеской попечительности, сердечности и т. п. и дающих повод усилить чиновничий надзор. Но это не новая программа воплощает в себе, можно сказать, «предельную» мудрость современных государственных людей и даже не в одной только России, а и на Западе: в обществе, основанном на частной собственности, на порабощении миллионов неимущих и трудящихся кучке богачей, правительство не может не быть вернейшим другом союзником эксплуататоров, вернейшим стражем их владычества. А для того, чтобы быть надежным стражем, недостаточно в наше время пушек, штыков и нагаек: надо постараться внушить эксплуатируемым, что правительство стоит выше классов, что оно служит не интересам дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о защите слабых и бедных против богатых и сильных и т. п. Наполеон III во Франции, Бисмарк и Вильгельм II в Германии положили не мало труда на такое заигрывание с рабочими. Но в Европе, при существовании более или менее свободной печати и народного представительства, избирательной борьбы и сложившихся политических партий, все эти лицемерные проделки разоблачались слишком быстро. В Азии, в том числе и в России, так забиты и невежественны народные массы, так сильны предрассудки, поддерживающие веру в царя-батюшку, что подобные

проделки пользуются большим успехом. И вот одним из весьма характерных признаков того, что и в Россию проникает европейский дух, служит неудача подобной политики в последние 10—20 лет. Пускали в ход эту политику много и много раз, и всегда оказывалось, что через несколько лет после издания какого-либо «попечительного» (будто бы попечительного) закона о рабочих, дело снова приходило в прежнее положение — увеличивалось число недовольных рабочих, росло брожение, усиливались волнения — опять с шумом и треском выдвигается «попечительная» политика, гремят пышные фразы о сердечном попечении к рабочим, издается какой-нибудь закон, в котором на алтын пользы рабочим и на целковый — пустых и лживых слов, — и через несколько лет повторяется старая история. Правительство вертится, как белка в колесе, оно из кожи лезет, чтобы заткнуть то здесь, то там недовольство рабочих какой-нибудь тряпичкой, а недовольство прорывается в другом месте и еще сильнее.

В самом деле, припомните самые крупные вехи, знаменующие историю «рабочего законодательства» в России. В конце 70-х годов происходят очень крупные стачки в Петербурге², социалистами делается попытка воспользоваться случаем для усиления агитации. Александр III включает в свою так назыв. «народную» (а на самом деле дворянско-полицейскую) политику фабричное законодательство. В 1882 году учреждается фабричная инспекция, которая публиковала даже сначала свои отчеты. Правительству, конечно, отчеты не понравились, и оно прекратило печатанье их. Законы о фабричном надзоре оказались именно тряпичкой. Наступает 1884—1885 год. Кризис в промышленности вызывает громадное движение рабочих и ряд самых бурных стачек в Центральном районе (особенно замечательна Морозовская стачка). Снова выдвигают «попечительную» политику — на этот раз с особенной силой выдвигал ее Катков в «Моск. Вед.». Катков рвет и мечет по поводу того, что морозовских стачечников отдали под суд присяжных, он называет сто один вопрос, поставленный судом на разрешение присяжных, — «сто одним салютационным выстрелом в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса», но он требует в то же время, чтобы «государство» заступилось за рабочих, запретило те безобразные штрафы, которые взорвали, наконец, морозовских ткачей. Выходит закон 1886 г., усиливающий во много раз фабричный надзор и запрещающий произвольные штрафы в пользу фабриканта. Проходит десять лет, и новый взрыв рабочих волнений. Стачки 1895 г.³ и особенно громадная стачка 1896 г. наводят трепет на правительство (особенно потому, что с рабочими теперь уже систематически идут рука об руку социал-демократы), и оно с невиданной прежде быстротой издает «попечительный» закон (2 июня

1897 г.⁴ о сокращении рабочего дня; в комиссии, обсуждавшей этот закон, чиновники министерства внутренних дел, и директор департамента полиции в том числе, во весь голос кричат: необходимо, чтобы фабричные рабочие видели в правительстве постоянного защитника, справедливого и милосердного покровителя (см. брошюру: «Тайные документы, относящиеся к закону 2 июня 1897 г.»). А попечительный закон, между тем, под сурдинкой всячески урезывается и отменяется циркулярами того же правительства. Наступает новый промышленный кризис: рабочие в сотый раз убеждаются, что никакие «попечения» полицейского правительства не могут дать им серьезного облегчения и свободы самим заботиться о себе, новые волнения и уличные битвы, — новое беспокойство правительства — новые полицейские речи о «государственной попечительности», изрекаемые на этот раз в газете «Новое Время». И не надоест это вам, господа, воду в решете носить?

Нет, правительству никогда, конечно, не надоест повторять свои попытки запугать непримиримых рабочих и подманить к себе какой-либо подачкой тех, кто послабее, поглупее и потрусилее. Но и нам никогда не надоест разоблачать истинный смысл этих попыток, разоблачать тех «государственных» мужей, которые сегодня кричат о попечительности, после того как они вчера приказывали солдатам стрелять в рабочих, — которые вчера заявляли о своей справедливости и покровительстве рабочим, а сегодня хватают и хватают для полицейской расправы без суда лучших людей и из рабочих и из интеллигентов. И поэтому мы считаем нужным остановиться на «государственной программе» «Нового Времени» заранее, прежде чем появился какой-нибудь еще новый «попечительный» закон. Да и те признания, которые делает при этом такой «авторитетный» в области нашей внутренней политики орган, заслуживают внимания.

«Новое время» вынуждено признать, что «прискорбные явления в сфере рабочего вопроса» — не случайные. Конечно, виноваты тут и социалисты (газета избегает этого страшного слова, предпочитая более глухо говорить о «вредных лжеучениях», о «пропаганде противогосударственных и противообщественных идей»), но... но почему же это именно социалисты пользуются успехом в рабочей среде? «Новое Время», конечно, не упускает случая обругать рабочих: они так «неразвиты и невежественны», что охотнее слушают вредную для полицейского благополучия проповедь социалистов. Виноваты, значит, и социалисты и рабочие, — с этими виноватыми жандармы и ведут давным-давно отчаянную войну, наполняя тюрьмы и места ссылки. Не помогает. Очевидно, есть такие условия в положении фабрично-заводских рабочих, которые «вызывают и поддерживают недовольство своим настоящим положением» и таким образом «благоприятствуют успеху» социализма. «Тяжелый труд фабрично-заводского рабочего в крайне малоблагоприятной житейской обстановке дает ему не более того, чтобы кормиться, пока в силах работать, а при всякой случайности, когда он на более или менее продолжительное время остается без работы, он оказывается в том беспомощном положении, о котором, напр., на-днях сообщалось в газетах про рабочих на бакинских нефтяных промыслах». Таким образом сторонники правительства должны признать, что успех социализма

объясняется действительно плохим положением рабочих. Но признается это очень неопределенно и уклончиво, с такими оговорками, которые ясно показывают, что ни самомаleastшего намерения затронуть «священную собственность» капиталистов, гнетущую рабочих, не может и быть у подобного рода людей. «К сожалению, — пишет «Нов. Вр.», — мы слишком мало знаем фактическое положение вещей в сфере рабочего вопроса у нас в России». Да, к сожалению! И мало знаем «мы» именно потому, что позволяем полицейскому правительству держать в рабстве всю печать, затыкать рот всякому честному обличению наших безобразий. Зато вот «мы» стараемся направить ненависть рабочего человека не на азиатское правительство, а на «инородцев»: «Новое Время» кивает на «инородческие заводские администрации», называет их «грубыми и жадными». Такой выходкой можно поймать на удочку только самых неразвитых и темных рабочих, которые думают, что вся беда идет «от немца» или «от жидка», которые не знают, что и немецкие и еврейские рабочие соединяются для борьбы со своими немецкими и еврейскими эксплуататорами. Да даже и не знающие этого рабочие видят из тысячи случаев, что всех «жаднее» и бесцеремоннее русские капиталисты, всех «грубее» русская полиция и русское правительство.

Интересно также сожаление «Нового Времени», что рабочий уж не так темен и не так покорен, как крестьянин. «Новое Время» плачет о том, что рабочий «отрывается от своих деревенских гнезд», что «в фабрично-заводских районах скапливаются сборные массы», что «сельчанин отрывается от села с его скромными (вот в чем суть - то), но самостоятельными общественно-экономическими интересами и отношениями». Как же не плакать в самом деле? «Сельчанин» привязан к своему гнезду и из боязни потерять это гнездо не решается предъявить требование своему помещику, припугнуть его стачкой и т. п.; сельчанин не знает порядков в других местах, интересуется только своей деревушкой (сторонники правительства про это и говорят: «самостоятельные интересы» сельчанина; знает сверчок свой шесток, не сует носа в политику — что может быть приятнее для начальства?), — а в этой деревушке местная пивка, помещик или кулак, знает всех наперечет, и все от отцов еще и дедов переняли холопскую науку подчинения, и некому пробудить в них сознание. А на фабрике народ «сборный», к гнезду не привязанный (все равно где работать), виды выдавший, смелый, интересующийся всем на свете.

Несмотря на это горестное превращение скромного мужика в сознательного рабочего, наши полицейские мудрецы надеются еще провести рабочую массу посредством «государственной попечительности о благоустройстве быта рабочих». «Новое Время» подкрепляет эту надежду следующим избитым рассуждением: «Гордый и всесильный на Западе, капитализм у нас — пока еще слабый ребенок, могущий ходить только на помочах, и водит его на помочах правительство»... Ну, этой старой песенке о всемогуществе власти поверит разве только скромный крестьянин! Рабочий же слишком часто видит, как капиталисты «водят на помочах» полицейских и духовных, военных и статских чиновников. И вот, — продолжает «Новое Время», — все дело в том, чтобы правительство «настояло» на улучшении быта рабочих,

т. е. потребовало бы от фабрикантов этого улучшения. Видите, как просто: приказать — и дело в шляпе. Но просто это только сказать, а на деле приказания начальства, даже самые «скромные», вроде устройства больниц при фабриках, не исполняются капиталистами по целым десятилетиям. Да и не посмеет правительство ничего серьезного потребовать от капиталистов, не нарушая «священной» частной собственности. Да и не захочет правительство серьезного улучшения быта рабочих, потому что оно само в тысяче случаев является хозяином, обсчитывает и притесняет и рабочих Обуховского завода, и сотен других заводов, и десятки тысяч почтовых, железнодорожных служащих и проч. и проч. «Новое Время» и само чувствует, что в приказания нашего правительства никто не поверит, и оно старается найти себе опору в возвышенных исторических примерах. Это следует сделать, — говорит оно про улучшение быта рабочих, — «подобно тому, как полвека назад правительство взяло в свои руки крестьянский вопрос, руководствуясь мудрым убеждением, что лучше преобразованиями сверху предупредить требование таковых снизу, чем дожидаться последнего».

Вот это действительно ценное признание! Перед освобождением крестьян царь намекал дворянам на народное восстание, говоря: лучше освобождать сверху, чем ждать, когда станут сами освобождать себя снизу. И вот теперь прислужничающая правительству газета признается, что настроение рабочих внушает ей не меньше страха, чем настроение крестьян «перед волей». «Лучше сверху, чем снизу!» Глубоко заблуждаются газетные лакеи самодержавия, находя «подобие» между тогдашним и теперешним требованием преобразований. Крестьяне требовали отмены крепостного права, ничего не имея против царской власти и веря в царя. Рабочие восстановлены прежде всего и больше всего против правительства, рабочие видят, что их бесправие перед полицейским самодержавием связывает их по рукам и ногам в борьбе с капиталистами, и рабочие требуют поэтому свободы от правительственного самовластия и правительственного бесчинства. Рабочие волнуются тоже «перед волей», — но это будет воля всего народа, вырывающего политическую свободу у деспотизма.

* * *

Знаете ли, какой величайшей реформой хотят заткнуть недовольство рабочих и проявить к ним «государственную попечительность»? Если верить довольно упорным слухам, — идет борьба министерства финансов с министерством внутренних дел: последнее требует, чтобы фабричную инспекцию передали в его ведомство, уверяя, что тогда она меньше будет потакать капиталистам и больше заботиться о рабочих, предупреждая этим волнения. Пусть готовятся рабочие к новой царской милости: фабричные инспектора оденут новые мундиры и будут зачислены по другому ведомству (вероятно, с повышением содержания) и притом по тому самому ведомству, которое так давно и так любовно (особенно департамент полиции) печется о рабочих.

[Н. Ленин]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

С.-Петербург. Нам пишут: «О судьбе „Жизни“ вы, конечно, знаете, но любопытно здесь подробности. В числе арестованных находилась вся редакция и много сотрудников. Через некоторое время Поссе, Ермолаев, Муринов и др. были выпущены на все четыре стороны, при чем у первых двух не было даже ни одного допроса (это факт). Просто выпустили. Хорошо! Проходит еще некоторое время, зовут в охранку человек десять (Муринова с женой, Поссе, Ермолаева, Гуровича, фактического издателя „Начала“, Родичева, Караваева, Кулябко-Корецкого, секретаря В.-Э. Об., у которого даже обыска перед этим не было, проф. Лесгафта и др.) и объявляют всем им, что они высылаются из Питера, Москвы, университетских городов и других мест (некоторым исключено до 29 губерний) на два и на три года. В это же время сидел в тюрьме М. Горький, но, благодаря его болезни и хлопотам за него, он теперь освобожден. Из сотрудников „Жизни“ в тюрьме остался, кажется один только секретарь редакции Горюшин. Начинаются хлопоты о спасении „Жизни“. Из главного управления по делам печати поступает совершенно незаконное распоряжение в типографию, чтобы работы по печатанию майской книжки журнала были приостановлены. В то же время цензор отказывается просматривать гранки. Шаховского спрашивают, на каком основании все это делается. Он виляет, ссылаясь на высылку Ермолаева, который-де теперь не может быть редактором. Берутся за цензурный устав. Там сказано, что редактор может быть отрешен от должности в трех случаях: если он по суду лишен прав состояния; если он утратил полную гражданскую правоспособность (т. е. надо полагать, сошел с ума или что-нибудь в этом роде); если самовластно скрылся за границу. Ни под одну из этих категорий Ермолаева подвести нельзя, а между тем его отрешили от редакторства. Кто? На каком основании? Шаховской снова виляет. Ведь это незаконно, говорят ему. — Да, незаконно, — отвечает князь, Значит, вы участвуете в незаконном деле? — Я — труба, по которой передаются распоряжения сверху вниз. Решили представить на утверждение другого редактора, представили, хлопотали, и в результате четыре министра... Отрешил же Ермолаева от должности редактора, как оказывается, все тот же всемогущий департамент полиции. Чтобы дать вам понятие о цинизме, с которым нынче ведутся дела, расскажу вам следующее: за статью о рабочих беспорядках „Новое Время“ было, как вам известно, закрыто на неделю. После этого по редакциям бесцензурных изданий был разослан такой секретный циркуляр:

«11 мая 1901 г. распоряжением от 8 мая 1896 года и 4 января 1897 г. периодическим изданиям воспрещено печатать статьи, трактующие о беспорядках на наших фабриках и заводах и об отношениях рабочих к их хозяевам. Редакции повременных изданий, повидимому, истолковали это распоряжение в том смысле, что им не дозволяется печатать не только статей по рабочему вопросу, но и никаких сведений о происшедших на фабриках и заводах беспорядках, а равно и всяких нарушений общественного порядка и спокойствия. Между тем, г. министр внутр. дел не имел в виду столь распространительного толкования указанного распоряжения. Не находя нужным совершенно возбранять оглашение вышеупомянутых сведений, его высокопревосходительство считает, однако, необходимым, чтобы указанные происшествия излагались в строгом согласии с действительностью. В виду сего все сведения о случаях нарушения общественного порядка и спокойствия ранее опубликования их в повременных изданиях должны быть представляемы для проверки их фактической точности в департамент полиции и могут быть затем напечатаны лишь с разрешения последнего. О всем вышеизложенном главное управление по делам печати, по приказанию г. мин. внутр. дел, доводит до сведения гг. редакторов повременных изданий».

Как видите, главным управлением по делам печати стал теперь фактически департамент полиции.

«Отмечу также еще циркуляр от того же 11 мая: „Главное управление по делам печати подтверждает необходимость неуклонного исполнения распоряжения мин. вн. дел о непечатании статей по поводу растраты в импер. женск. патриотич. общ., кроме оглашения самого факта растраты“. Здесь дело идет, как говорят, о краже в 350 тысяч рублей, совершенной камергером Якунчиковым, Евдокимовым и другими.

«Вот каково современное „жизньшко“, как говорил покойный сатирик. Но что замечательно, так это повсеместно чрезвычайно бодрое общественное настроение. Я не пишу вам ничего о рабочих беспорядках, потому что о них ходят только всякие слухи, и в среде, где я вращаюсь, ничего доподлинно неизвестно. Известно только, что они приняли очень значительные размеры.

«На-днях выпустили Милюкова, Мякотина, Сабину и Вл. Бернштама „впредь до окончания дела“.

«Из Петербурга их, конечно, высылают».

С.-Петербург, 28 мая. Арестованных за время с 18 по 23 апреля было так много, что обычных мест заключения не хватало, и многие были размещены по полицейским частям. Женщины (27 чел.) посажены в Спасскую часть и оттуда постепенно переводятся в дом предварительного заключения, по мере освобождения в нем камер. В настоящее время в Спасской части осталось 11 политических заключенных. Условия их заключения подробно описаны в письме от 1 мая, обращенном к обществу. Теперь мы расскажем лишь об одном эпизоде из их жизни.

10 мая одна из заключенных послала прокурору судебной палаты заявление, в котором просила избавить ее, переводом в другую тюрьму, от вида тех насильств со стороны полиции, какие ей приходится наблюдать в участке, напоминающем своими порядками застенков. Дело в том, что полицейские нравы не дают заключенным в Спасской части забыть о них ни на минуту. Они всюду назойливо лезут в глаза и невыносимо расстраивают нервы. В окна камер заключенных несутся вопли мужчин и женщин, стоны доносятся из карцеров, дикие сцены глумления над человеческой личностью разыгрываются перед заключенными

во время прогулок. Для иллюстрации приведем, из массы других, случай, происшедший 9 мая, далеко не самый яркий, но подробнее других известный нам. Во время прогулки заключенных, к участку под'езжает дворник с каким-то субъектом, который в сильном возбуждении говорит: «Я ничего не делал. За что меня!». Привезенного немедленно затаскивают в участок, откуда непосредственно затем раздаются отчаянные вопли и крики о помощи. Минут через 15—20 полицейский служитель с дворником выводят его через двор в «холодную». Одежда на нем уже вся истерзана, лицо распухло. Он идет согнувшись, задыхается, стонет и говорит, обращаясь ко всем, находящимся во дворе: «Смотрите, что здесь со мной сделали!». А за это его провожатые, на глазах у всех, сваливают его с ног ударами кулаков и волочат по земле. Полицейские чины, находящиеся во дворе (помощник смотрителя арестного дома, городовые и пр.) смотрят на все совершенно равнодушно, даже более того: когда один из посторонних крикнул: «Да за что вы бьете человека? Ведь он не сопротивляется, а идет», то и его схватывают двое полицейских и силой уводят в участок (надо думать, для составления протокола о чем-нибудь, вроде «оскорбления полиции при исполнении служебных обязанностей» или «нарушения общественной тишины и спокойствия»).

Результат заявления, поданного прокурору, оказался совершенно неожиданным для заключенных. 23 мая в Спасскую часть приехал полицмейстер Лебедев. Ознакомившись, какие именно факты имела в виду заключенная, характеризуя участок, как застенков, он заявил, что «надо устранять от барышен тяжелые впечатления», и отдал приказание... ограничить место прогулок политических заключенных задним двором, где сосредоточены люки, мусорные ямы и ретирады и — что всего любопытнее — где помещается и самый участок (до тех пор разрешалось гулять во всем дворе). Своим распоряжением полицмейстер, очевидно, рассчитывал заставить заключенных отказаться от прогулок и таким образом устранить от них возможность «вмешиваться в чужие дела» (его слова), — и он достиг цели: прогулки, разрешения которых заключенные добились с таким трудом, и которые несколько смягчали тяжесть их заключения в темных и душных камерах Спасской части,—прекратились с 23 мая.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО «МОСКОВСКИМ ВЕДОМОСТЯМ»⁵.

Жаль, что «Московские Ведомости» находят мало читателей вне круга лиц, «высоко держащих правительственное знамя». Это — очень полезная газета, поучительная даже тогда, когда лжет на врагов правительства, и совершенно незаменимая, когда говорит об интересах этого правительства и о принципах самодержавия такую правду, которой вы не услышите ни от умеренных сторонников «принципа», ни от либералов. Одни из половинчатых сторонников самодержавия стараются отмежевать его от деспотизма, другие прикрашивают его «принцип» будто бы требующий, чтобы нужды и желания народа доходили до трона, с высоты которого царь (в принципе) удовлетворяет их.

«Моск. Вед.» восхваляют не это прикрашенное самодержавие, существующее лишь в курсах государственного права или в воображении славянофилов, а наше реальное самодержавие в том самом виде, в каком, после временных уклонений, оно возродилось при Александре III, решив существовать во что бы то ни стало, не стесняясь ничьими потребностями и не допуская никаких разговоров о нуждах или желаниях. Самодержавное правительство, не без основания утверждают «Моск. Вед.», должно править по собственной мысли и воле и делать то,

что «находит нужным, независимо от того, требовали этого или не требовали внеправительственные политики». Если народ, по мнению правительства, действительно испытывал те или другие нужды, то удовлетворение этих нужд должно было последовать задолго до пред'явления каких-либо требований, и в таком случае не было бы уступкой». Всякой не только уступки, даже видимости ее, правительство должно избегать во что бы то ни стало. Уступка с его стороны «была бы огромной ошибкой, если бы даже требование улицы было резонно, ибо... если оно исполняет голос улицы, то улица и должна быть властью. По крайней мере, при откровенном признании этой власти голос улицы будет исполняться не в виде „уступок“, т. е. не с задержками, не с отговорками, а прямо и быстро».

Нельзя не признать логичности этого рассуждения, взятого нами из статьи «Урок истории» («Моск. Вед.», 12 апреля 1901 г.). Для всякого человека, смотрящего на дело с точки зрения интересов народа, из этого логичного рассуждения может быть лишь тот вывод, что в быстро развивающейся стране, с непрерывно изменяющимися условиями существования и разрастающимися общественными потребностями, самодержавие не может существовать, и власть должна перейти к представителям населения всех городских и деревенских улиц.

Для «Моск. Вед.», стоящих на точке зрения правительства и вполне резонно отделяющих его интересы от

Москва. Сообщают о следующем инциденте, имевшем место в здешнем университете. Сын московского профессора графа Комаровского, окончив университет, был оставлен ассистентом при кафедре проф. Новгородцева. Не желая терять драгоценного времени, он вместе с тем поступил на службу в московскую цензуру, о чем имел нахальство заявить Новгородцеву. Последний заявил, что считает занятия под его руководством и службу в цензуре несовместимыми, так как, готовясь к профессуре, Комаровский вместе с тем готовится говорить с кафедры о свободе общественной жизни, свободе мысли и печати, цензура же как раз подавляет все это, и предложил ему выбрать одно из двух. Комаровский выбрал цензуру и прекратил занятия у Новгородцева. Встретившись с деканом юридического факультета (кажется Алексеев), он рассказал ему о происшедшем. Тот возмутился и продиктовал ему письмо к Новгородцеву приблизительно такого содержания: «Серьезно пораздумав над предложенным Вами мне вопросе о совместимости обоих моих занятий, я пришел к положительному решению и потому продолжаю себя считать ассистентом при Вашей кафедре». Мало того. Встретившись с Новгородцевым, декан стал его упрекать в том, что он, состоя на государственной службе, следовательно будучи чиновником, осмелился критиковать другое государственное учреждение — цензуру, и таким образом подрывать основы. Новгородцев резко ответил, что, считая цензуру вредным учреждением, он не может позволить своему ассистенту служить в ней. Тогда декан заявил, что должен заявить об этом совету факультета, что и сделал. Совет постановил подавляющим большинством довести о таком поступке Новгородцева до сведения министра народного просвещения.

Саратов. Перепечатаваем два следующие сообщения из гектографированного журнала «Непримиримый».

«Конституционный» адрес думских либералов и г. Немировский. Рескрипт царя от 25 марта, данный на имя Ванновского, был встречен печатью и обществом необычно горячими приветствиями: все возликовало и умилилось, — не только либеральные круги,

интересов всего «внеправительственного» населения или, вернее, не признающих за населением ни малейшего права иметь какие бы то ни было общественные потребности, кроме единой, всепоглощающей потребности в «сильной самодержавной власти», естественный вывод из рассуждения тот, что, в интересах самосохранения, правительство должно больше всего заботиться о полном молчании «внеправительственной» России. Отсюда необходимость возможно большего сокращения народного образования, самоуправления, печати, правосудия; необходимость чем дальше, тем меньше стеснять себя положительными законами, так как с законами в руках, как бы ни была упрощена процедура их издания, не угоняешься за всеми проявлениями «внеправительственного» настроения, становящиеся по мере развития страны все многочисленнее и разнообразнее. Когда правительство принялось сокращать все зародыши этих элементарнейших благ, «Моск. Вед.» неизменно сопровождали его сокрушительную деятельность разъяснением несовместимости благ с прочностью самодержавия. Они всегда изображали эту форму правительства в самом мрачном, в самом безнадежном для населения виде.

Зато «на зло уму, наперекор стихиям» защитой правительства с точки зрения интересов населения занялась либеральная пресса, упорно исповедуя свою веру в благие намерения правительства. С тех пор, как началась ломка «великих реформ», между оставленными в жи-

но даже и студенчество. Студенты повсеместно решили «ждать» и «дать время» новому министру провести в жизнь высочайшие предначертания. Как сообщают из Петербурга, только немногие были настолько сильны, чтобы просто «ждать», не давая никаких авансов, большинство же заранее выразило доверие новому министерству и в виде аванса стало держать экзамены... Если таково настроение учащейся молодежи, то чего же ждать от нашего «просвещенного либерального общества»? Совесть его была уязвлена тем острым характером, какой приняли студенческие волнения. Казалось невозможным и постыдным оставаться спокойным свидетелем развертывавшихся с необычайной для русского быстротой событий. Надо было реагировать на них, стыдно было оставлять своих собственных детей беззащитными перед казачьей нагайкой и кулаками полицейских. И вот просвещенное общество стало протестовать. Протестовало оно в тысяче форм, посылая адреса Толстому и Вяземскому, еще раз Вяземскому и опять Толстому, составляя и распространяя многочисленные ответы московским профессорам: наконец, — это верх гражданского мужества — подписывая петиции на имя царя. Впрочем, эта последняя форма реакции на события оказалась не по плечу русскому обществу. Под одной из таких петиций в Петербурге было собрано не более сотни подписей; в Москве их было очень мало, еще меньше в Саратове. У нас было пущено два подписных листа: один в «высшем» обществе, другой в «средних» кругах. В «высшем» обществе дело сначала пошло на лад: дали свои подписи очень видные представители саратовской родовой и денежной аристократии. Это было под свежим впечатлением 19 февраля и 4 марта. Но скоро последовало еще более свежее впечатление: высочайший выговор Вяземскому и... лист с подписями пропал без вести. «Средние круги» одни тоже не решились продолжать дело, и оно окончательно рухнуло. Но во всяком случае совесть просвещенного общества была неспокойна. Оно усиленно искало путей и невинность соблюсти и капитал, если не приобрести, то сохранить. Вот тут-то и подоспел рескрипт на имя Ванновского и дал давно желанное успокоение взволнованной совести. В самом деле, с высоты престола признаны коренные пороки нашего школьного дела и обещаны радикальные преобразования. Чего же больше?

вых органами либеральной прессы и «Моск. Вед.» завелась самая противоестественная полемика. Проникнут в печать известия о том или ином реакционном проекте, «Моск. Вед.» радостно приветствуют новый кнут, которым правительство намерено искоренить то или иное благо, а либеральная пресса возражает, что реакционная газета извращает благие намерения правительства, что если такие-то фразы проекта понять так-то, кнут окажется маленькой плеточкой, что за целость блага ручается мудрая заботливость о нем правительства и проч. Но «Моск. Вед.» всегда оказывались правыми, кнут оказывался кнутом, а от блага оставалось одно приятное воспоминание, что, впрочем, ни на волос не изменяло тактики либеральной прессы. Она упорно продолжала приписывать правительству несуществующие, но желательные с ее точки зрения свойства, а «Моск. Вед.» продолжали противопоставлять этим фантазиям реальное самодержавие, подчинившее все и вся единой заботе о своей собственной «незыблемости».

Но если либералы идеализировали и продолжают идеализировать правительство, то «Моск. Вед.», в свою очередь, идеализируют все внеправительственные элементы русского общества, изображая их такими, какими они должны бы быть, если бы относились к интересам населения с той же горячностью, с какой «Моск. Вед.» относятся к интересам самодержавного правительства.

Надо, значит, ждать и надеяться. Заметьте, не все так глупы, чтобы надеяться; более умные, те прямо заявляют, что нельзя же дать конституцию в министерстве народного просвещения и оставить все по-старому в общих порядках; а так как общие порядки не обещают перемениться, то ничего существенного не может быть принято и в области народного образования. Но все считают нужным «ждать»: пора же в самом деле отдохнуть от сделанных усилий и пережитых треволнений. Самые умные и самые смелые из гласных саратовской думы пошли, однако, дальше. Им пришла в голову «гениальная» мысль: воспользоваться самым рескриптом, чтобы под видом «всеподданнейшей благодарности» попросить конституции. Но зная, что с восторжествовавшими на последних выборах купцами о конституции разговаривать не очень-то удобно, они решили свой наем на конституцию так запутать в радужные туманы «беспредельной верноподданнической благодарности» и так прикрыть мистическим облаком «неисповедимого промысла божия», чтобы никто ничего не понял. «Наши купцы-то простофили: ничего не поймут, одурманенные треском мистической и верноподданнической риторикой, думали коварные либералы, — а там наверху разберут, что в розах благодарности не обошлось без шипов либеральной петиции».

Вот вкратце содержание этого любопытного документа. Начав с выражения «глубочайшей радости» и «беспредельной благодарности», либералы указывают, что за тысячелетнюю историю России государи неоднократно в затруднительных случаях «обращались к содействию своего народа», и что русская земля «при таких условиях» не только с честью вышла из затруднения, но даже «приобрела новую славу, благодаря единению царя с народом». В нынешних обстоятельствах либералы «усматривают неисповедимый промысел божий» и надеются, что при реформе школы «голос общества будет принят во внимание», что доверие, выраженное государем обществу, не может не отразиться на всех других сторонах русской жизни, что «рескрипт 25 марта сделался залогом лучшего будущего, началом новой эры для молодых и старых, бедных и богатых, для всего русского во всех отношениях».

Но где тонко, там и рвется. И притом рвется с двух сторон. Во-первых, среди нашей радикальствующей ин-

теллигенции нашлись простаки, возмущившиеся редакцией адреса и воображившие, что, если дума не примет сразу адреса, а поручит выработку его особой комиссии, то эта последняя выработает лучший адрес. И вот эти мудрецы принялись агитировать среди знакомых им гласных в пользу передачи этого адреса в комиссию, что, действительно, и случилось, хотя, может быть, совсем не вследствие стараний наших политических младенцев. Во-вторых, коварные либералы совсем не приняли в соображение, что у купцов есть тоже очень тонкие люди, сами искусившиеся некогда в составлении «либеральных» адресов, вроде нового городского головы Немировского, в то время еще не получившего утверждения. Не будь его, адрес был бы принят почти без изменения даже и в комиссии. Возражений он вызвал очень немного. Самое существенное — со стороны священника Л. Владыкина — было направлено против того самого «промысла божия», под флагом которого либералы надеялись провести контрабандным путем «затруднения и бедствия» последних месяцев. Но острый взор протоиерея (ревностного защитника всех клерикальных поползновений в земстве и думе, но в то же время сторонника многих начинаний, входящих в программу либералов) рассмотрел контрабанду и под этим, казалось, наиболее надежным флагом. «Как! — воскликнул он, — это в чем же вы видите промысел божий? В том, что стреляли в Победоносцева и... забросали весь Саратов прокламациями?». Но, провалив «промысел божий», Владыкин отстаивал адрес во всех остальных пунктах против другого проекта прис. пов. Н. Соколова, славословившего царя и строго порицавшего студентов*. Другое возражение против проекта адреса исходило от лидера купеческой партии Селиванова и подкапывалось под «новую эру». «Это что еще такое, новая эра, новая эра? — восклицал «хозяин» города.— Это очень уж похоже на новую веру какую-то». Но это возражение, хотя и исходило из очень авторитетного источника, вызвало только веселость. Еще несколько второстепенных поправок, и проект адреса был

* В конце концов этот второй проект нашел только одного защитника в лице... жавшего своего утверждения Немировского, так как даже автор от него отказался и нашел первый проект лучшим.

Написанные с вдохновением, такие изображения того, что должно быть, производят ободряющее впечатление, а иногда в форме предостережения правительства против козней его идеализированных врагов, содержат также очень полезные для этих врагов советы и указания.

К таким удачным во многих отношениях произведениям нельзя не причислить статью под заглавием: «*Caveant consules!*», помещенную в «Моск. Вед.» 5 и 6 апреля нынешнего года. «Во вновь переживаемую нами смутную эпоху,—говорит автор,—долг каждого не скрывать волнующие его мысли». Поэтому, «вопреки опасению возбудить гнев на себя, а может быть и более» (чьего гнева опасается автор, остается невыясненным), он пишет свою предостерегающую статью, начиная ее тоже с «урока истории», для которого считает «вполне достаточным вспомнить наши семидесятые годы» и «диктатуру сердца», когда даже чиновники ждали «пресловутого увенчания здания». «Новое царствование,—продолжает автор,—коренным образом изменило курс русского правительства... совершенно разбило конституционные бредни и незыблемо утвердило в России самодержавное начало... Вся деятельность проникается вполне неуклонным характером. Учреждается институт земских начальников... В реформах земского и городского управления проводится тот же принцип усиления власти и начала сословности. Органы печати, наиболее смущавшие восприимчивые головы, подвергаются полному воспрещению, а за остальными устанавливается

более бдительный надзор». Университеты доводятся до такого состояния, что «является возможность царствующей императорской чете неоднократно осчастливить их своим посещением... и в результате благополучие, спокойствие... благоденствие под скипетром самодержца».

Автор и «верит и знает», что и теперешний самодержец неуклонно держится системы своего родителя, но тем не менее на Руси появились «независящие от верховной власти уклонения от заветов царя - миротворца».

Начинается перечисление «уклонений», и вдруг оказывается, что, несмотря на все неуклонные мероприятия, «земские, городские и иные общественные собрания продолжают считать себя не частью правительства, а чем-то особенным, вне его стоящим и настроенным враждебно против администрации. Дворянство день ото дня исчезает... Число держащих высоко правительственное знамя быстро умалывается перед количеством лиц, стремящихся к революционным принципам свободы и равенства». «Большинство нашей периодической печати явно на стороне противоправительственной, несколько органов — флюгерной системы (удачный эпитет!) и лишь самое ограниченное количество — консервативного направления». Провинция ненавидит администрацию и не желает читать ничего, кроме изданий противоправительственного направления. Цензура не помогает. «При строгости цензора газета получает ореол мученичества. Вообще в провинциальных городах местный печатный орган находится как

уже, казалось, у тихой пристани. Как вдруг... пришел запоздавший в комиссию Немировский. Пришел и сразу показал всем воочию «конституцию» в адресе, а за конституцией — длинная справка с историей, судьба тверского адреса и Унковского, Вятка, места не столь отдаленные и т. д. и т. д. Тонем умудренного жизнью старца, познавшего тщету молодых увлечений, вспоминал он и историю того саратовского адреса, в составлении которого и сам некогда (после 1 марта 1881 г.) играл роль хитроумного Улисса *. В результате всех этих исторических справок получилось нравоучение: никогда не следует просить у царя больше, чем он дает. Этим только спугнешь реформу, которая уже готова была осуществиться, да и сам-то попадешь, пожалуй, в Вятку. Русская реформа, как и всякая другая дичь, садится только на то озеро, вокруг которого не видно охотника; как только показался вблизи охотник, готовый воспользоваться реформой для расширения своих прав, реформа снимается и улетает. Последнее сравнение, впрочем, не принадлежит самому Немировскому, но точно передает его «политическую» или скорее «политичную» теорию.

Тщетно старались либералы спасти «конституцию», доказывая, что ее в проекте адреса совсем нет, что фразу «доверие... не может отразиться и на других сторонах жизни» можно понимать и не в смысле конституции, а в том, что молодое поколение, воспитанное в новых школах, внесет новый дух и в другие сферы жизни. Отлично знающий все «коварства» либералов, Немировский ловит их на словах и предлагает соответствующую поправку. В ре-

* Вот наиболее характерные отрывки из адреса 1881 г., составленного Немировским: «Повели же, великий государь, твоему народу стать вокруг твоего трона твердым и несокрушимым оплотом его; призови ныне, государь, верных сынов твоей страны к подножию твоего престола. И верь, государь, в беспредельной преданности русского народа своему царю, в безграничности любви его к своему отечеству, в нравственных и умственных силах твоего народа, в правдивой и свободной речи его ты обретишь ту всеисцеляющую силу, ту несокрушимую твердыню, о которую в прах разобьются все злодейские начинания».

бы в одном лагере с интеллигенцией против общего их врага — высшего правительства с его местными представителями».

Огромное «уклонение» оказалось и в деревнях. «Щедрость» правительства в годы неурожая принесла здесь больше вреда, чем сами неурожай, внушив населению надежду на «даровое кормление». Эти неурожай дают богатый материал для наполнения газет «раздирающими сердце описаниями, переполненными всевозможными вымыслами. Здравый голос местных властей (отрицающих нужду в ссудах) служит основанием внушать населению, что со стороны должествующих пещься о нем встречается не только равнодушие, но и злорадство... Лицам, мечтающим о наступлении момента, когда народ не будет ходатайствовать о выдаче ссуд, а будет требовать хлеба, народное бедствие, как недород хлебов, послужило одним из средств дискредитировать в его глазах правительство».

Уже «послужило», как видите. Хорошо бы устами «Моск. Вед.» да мед пить.

Но разве не полезный совет всем тем, кому дороги интересы крестьян, заключается в последних строках? Разве не следовало бы разъяснить крестьянам действительное отношение к их бедствию «верховного правительства и его местных представителей»? Ведь для этого достаточно было бы распространять в голодающих местностях те номера реакционных газет, «Моск. Вед.» в осо-

зультате его «мастерской» работы из адреса исчезает всякий «либеральный дух», и не остается ничего, кроме радости, благодарности да беспричинной окрыленности надеждами. Исчезли «молодые и старые, бедные и богатые», исчезла «другие стороны жизни» и «все отношения»... Адрес заключен строго в рамки школьного вопроса. Но и в этом своем виде он все еще не нравится Немировскому. Правда, он его подписал и, конечно, «не возьмет своей подписи назад» (а жаль!); но на бирже среди купцов он все еще находил его слишком либеральным и пророчил, что купцы его не подпишут. Несмотря на эти внушения, адрес был подписан и отправлен.

За периодом «бессмысленных мечтаний» о распространении доверия «и на другие стороны жизни» наступила эпоха деловой разработки реформы. Открылась она предложениями гласного гр. Нессельроде и докладом прис. повер. В. И. Соколова. Этот доклад всеми считается прекрасным и «действительно содержит много справедливых мыслей» (см. «Сар. Дн.», № 91). Мне показались характерными вступительные слова доклада: «Высокомилостивые, исполненные доверия к обществу слова рескрипта дали мне смелость утверждать, что попечение о детях, возлагаемое высочайшею волею на семьи и родителей, обязанных верно-подданнически содействовать начинаниям монарха, должно выражаться, между прочим, и в почтительном доведении до сведения высшего начальства о недостатках нашего учебного строя и средствах к их устранению». Это уж, как будто, слишком — выводить обязанности родителей пещься о своих детях из царской власти. Будьте, господа, холсами, да знайте меру! И все это холопство для того, чтобы оправдать свою смелость «почтительно доводить до сведения высшего начальства». Где уж тут набраться смелости для требования конституции?!

* * *

Чествование ветеринарного врача Федора Курицына. В наше время, среди «современной смуты», характеризующейся полной нравственной беспринципностью, отсутствием твердых моральных норм, разграничивающих честного от бесчестного, простую услугу и компромисс от прямой подлости и холопства, — даже

бсности, где отрицается серьезность бедствия, помощь крестьянам признается вредной, сами крестьяне обвиняются в ленности; где каждая строчка дышит враждой как к крестьянам, так и к тем добрым людям, которые несут им во время бедствия посильную помощь.

Поскольку правительство уже дискредитировалось в глазах крестьян, оно сделало это своими собственными усилиями, урезыванием ссуд, закрытием столовых, высылками тех, кто помогает голодающим. Но несомненно, что крестьян обязательно познакомить также и с соответствующей этой практике теорией голодовок, преподаваемой «Моск. Вед.». До сих пор этого не было сделано, но пусть не беспокоится почтенная газета, этот долг, как и все другие, будет выполнен, если не либеральной, то революционной частью неправительственного лагеря.

Сплоченный лагерь всей интеллигенции вместе с прессой «против их общего врага — высшего правительства с его местными представителями» тоже принадлежит к области должного, но еще не существующего. С другой стороны, в нарисованной «Моск. Вед.» отрадной картине отсутствует самая важная отличительная черта «вновь переживаемой нами смутной эпохи». В ней нет упоминания о росте революционного духа в рабочем классе, о ярко проявившемся антиполицейском, сочувственном «преступным манифестациям», настроении всего населения больших городских центров. От «Моск. Вед.», так охотно преподносящих «уроки», почерпнутые из «истории» европейских

люди интеллигентные совершают нередко такие поступки, участвуют в таких делах, за которые им самим потом приходится краснеть и каяться.

Недавно уезжал из Саратова местный земский ветеринар Курицын, и его «товарищи» устроили ему торжественный прощальный обед. В среде этих товарищей оказались, между прочим, Оболдуев, Бердов, Романов, Виноградов и много других.

Напомним читателям, что за личность Курицын, удостоившийся «обеда» от своих почтенных коллег.

Вот что читаем мы в биографии Попко, помещенной в № 3 «С Родины на Родину»: «Курицын, тогда еще студент, был арестован по так называемому Елисаветградскому делу. Сидел он в одесской тюрьме, болтая немного по своему делу, но, однако, первое время совсем мерзавцем называть его было нельзя. Но вот „хронически“ сидеть надоело Курицыну, и он предложил свои услуги жандармскому управлению. Особенно ценных сведений он не мог сообщить, но мог предать своих товарищей, что и сделал: благодаря ему повесили В. Малинку и Ив. Хробязгина. Дабы сделать услуги Курицына более полезными, его салят в одну камеру с одним из вновь арестованных по делу Чубарова. Курицын постарался выведать у него все, что тот знал, и сообщил полученные таким путем сведения жандармскому управлению. По делу Чубарова были казнены Лизогуб, Чубаров и Давиденко... Попко, против которого не имелось никаких улик, пошел, благодаря Курицыну, на вечную каторгу» (см. стр. 177 и 179).

Близкий товарищ Попко^а, вместе с ним бывший на Каре, заканчивая его биографию, не может снова не вспомнить о предателе. «Такие люди гибнут, а мерзавцы, как Курицын, — живы. Живы, злорадствуют, торжествуют и своєю одною преступною жизнью позорят и заражают русскую землю... Быть может, кому-нибудь из нас еще суждено увидеть далекую родину. Пусть такой счастливец вспомнит, что убийца Б. Лизогуба, Г. Попко, В. Малинка, И. Хробязгина и многих других еще жив и... да не дрогнет его рука. Помните, что трупы страдальцев вопиют об отмщении».

И вот этого-то Курицына чествовали недавно у нас в Саратове люди, считающиеся интеллигентными... Что же! Может быть, прошлое Курицына забыто? Но такие

факты, как предание на смерть своих товарищей, как сознательное шпионство, не могут, не должны забываться, — они кладут клеймо позора на всю жизнь человека и делают его презренным для всякого, в ком есть хоть капля порядочности и чувства собственного достоинства.

Может быть, в течение своей долгой служебной деятельности Курицын успел зарекомендовать себя перед своими коллегами как хороший врач и товарищ? И этого нет. Еще никем не забыты слухи, ходившие в городе по поводу операций Курицына с закупкой лошадей для голодающих крестьян. Сами же врачи, присутствовавшие на обеде, могли бы не мало порассказать о темных фактах из деятельности Курицына... Сами же они отзываются о нем, как о человеке сомнительной честности; по их собственному отзыву, нет низости, какую бы не мог совершить Курицын: подвести товарища по службе, «подставить ножку», наговорить, набросить подозрение в «политической неблагонадежности» перед общей администрацией и ближайшим земским начальством. — на все это, по их мнению, способен Курицын!.. И после всего этого они устраивают ему торжественные проводы. Мало того. Seriously обсуждают проект поднесения ему альбома с собственными карточками!.. Мы отказываемся оценить по достоинству нечистоплотность и распущенность, выказанную саратовскими ветеринарами в чествовании человека, которого они не уважают, за которым сами не признают элементарной честности и порядочности и на прошлом которого лежит позорное пятно предательства.

Вильна. В субботу 9 июня в Ошмянский уезд были вытребованы из Вильны войска для усмирения «бунта» крестьян. Отправлено два батальона пехоты и две сотни казаков. Губернатор, задержанный в городе министром юстиции, поехал туда через два дня. Подробности пока неизвестны, знаю только, что «бунт» охватил 32 деревни. Губернатор вернулся в четверг 14-го.

революций, не могло укрыться громадное, решающее значение этого нового у нас явления. Не их вина, если до сих пор они еще не воспели его с свойственной им силой. Воспеть, очевидно, мешают циркуляры главного управления по делам печати.

Одна из реакционных газет — «Гражданин» или «Моск. Вед.» — недавно высчитала, что за последние десятилетия число врагов самодержавия выросло в 99 раз. Где их прежде была тысяча, теперь сотня тысяч. Прогрессия, конечно, произвольная, но едва ли преувеличенная. И это ускоренное возрастание произошло именно в ту эпоху, когда, «изменивши коренным образом свой курс», правительство «незыблемо утвердило в России самодержавное начало», когда вся его деятельность была и остается «проникнутой вполне неуклонным характером». Но возрастание совершалось и в уклончивое царствование Александра II и при неуклонном Николае I. Это возрастание не может, очевидно, быть остановлено никаким правительственным «курсом»: не тот или иной «курс», а самое существование самодержавия с каждым десятилетием становится невыносимым все более и более широким слоям пробуждающейся России.

Самодержавное правительство находится теперь в положении колдуна в сказке Гоголя «Страшная месть». Колдун узнал, что конец ждет его на вершине Карпатских гор. Он садится на коня и едет в противоположную от этих гор сторону, долго едет и вдруг, всмотревшись, разли-

чает на горизонте очертания страшных для него гор. Он поворачивает коня и что есть силы скачет целую ночь в противоположную сторону, а на рассвете замечает, что уже поднялся над первыми уступами роковых гор. Колдун мечется, вертится и с каждым скачком коня, в какую бы сторону он ни направил его курс, оказывается все ближе и ближе к вершине.

Из собственных же статей «Моск. Вед.» ясно, что не поможет никакой «курс» и русскому самодержавию. Они правы, утверждая, что всякие «уступки» вызывают новые требования, но и «неуклонность» по меньшей мере не препятствует усиленному накоплению революционных сил, неизбежно вступающих в борьбу. И если прежде, когда дух борьбы веял лишь над ручьями и речками сперва дворянской, а потом разночинской интеллигенции, еще можно было надеяться утомить, обессилить, выловить ее численно ограниченные силы, то теперь, когда он подул уже над безбрежным морем народных масс, такие «мечтания» становятся совершенно «бессмысленными». Моря полицейским ковшом не вычерпашь.

Приступая к освобождению крестьян, Александр II сказал, что лучше начать его сверху, чем ждать снизу, и несомненно, что для помещиков это было лучше: им не пришлось поплатиться ничем, кроме «прав» на насилия над личностью крестьянина. Можно допустить, что это было «лучше» и для части взрослого в то время крестьянского поколения. Борьба за «освобождение снизу»

Вильна. Приводим, с сохранением орфографии, следующий документик:

Его Высочеству, г. Приставу 6-го Стана Виленского у.

Домовладельца Дворянина Ивана Бонаветуриева Завадского, живущаго 6. Стана по Смоленской улице в соб. доме,

Заявление.

Ваше Высочество, примите в уважение настоящее мое заявление, а именно об известных уже вам нападениях на мой дом мою семью, и моих Подмастерьев, с 1-го сего мая месяца когда Вы изволили подать мне помощь от насильственных Бродяг Стачников-Социалов, которые не понесли никакого от властей наказания.

То таковые повторились более серьезными, даже едва некоторые из подмастерьев моих, при помощи женщин избежали от смерти, которая могла постигнуть их от Бродяг-Социалов ножами и кинжалами, которые снаряды выданные им из Главнаго Депо их Социального Управления, жертвою могли быть, Викентий Мехович, и Станислав Блажевич, на которых они напали даже в чужой квартире у Проживающаго в моем доме мастера Остроуха, главный вожак таковой партии Социалов, проживающий на Новом Строении в доме Бараковского, Сапожник Викентий Остроух, у Котораго сказанные Самозванцы Бродяги работают, сказанный Остроух напичканный духом против Правительств и его законных прав подобрав Шайку подсудимых, и безпритонных волокит-Социалов, нападает на истинно мирных работников, согласно Прокламациям 1-го сего мая, дабы бросали работу, а слились бы за одно, рука за руку, и выступить против Монарших прав.

Таковое нападение повторилось сегодня во главе Вождя Викентия Остроуха, который присутствовал при чуть ли не исходах Викентия Мировича и Станислава Блажевича.

Главные виновники, Эдуард Остроух, Михаил Дехтерев, Владимир Дубов, Александр Федоров и другие подобные которых они должны при спросе показать.

могла затянута, могла стоять массы жизней... Но нет ни малейшего сомнения, что для следующего же крестьянского поколения было бы неизмеримо лучше, если бы освобождение пришло снизу. Не было бы в таком случае ни отрезков от наделов, ни выкупных платежей, не было бы земских начальников и всего того сверхштатного бесправия, которым пользуется крестьянин даже по сравнению с остальными сословиями бесправной России. Над сознавшим свою силу и доказавшим ее крестьянством так измываться никто не посмел бы и думать.

Для полицейской партии тоже было бы лучше, если бы освобождение от самодержавия совершилось путем «уступок». Постепенное устранение самых кричащих, самых безобразных его проявлений ослабляло бы накапливающуюся ненависть, партия могла бы постепенно ступать, не поплатившись за свои грехи. Но зато чем упорнее будет сопротивляться самодержавие, чем продолжительнее будет борьба, тем больше накопится ненависти и тем полнее сметет эта ненависть все связанное со старым порядком. Больше будет отвоевано у будущего, полнее осуществится демократия, с большим сознанием своей силы вступит в новый политический строй трудящееся население России, легче будут дальнейшие задачи социал-демократии.

Но если для распоряжающейся царем бюрократическо-полицейской партии существует два пути к разлуке с само-

А потому прошу покорно Вашего Высочества, так как первый и прямой Начальник, прошу Вашего благосклонного совета, куда обратиться с защитой для меня, моего дома так равно и моих подмастерьев кроме того по их Социальных заявлениях, что мне заявителю и моему работнику Бржезинскому неминуемая смерть...

«Помилование» студентов. Когда русского обывателя чрезвычайно удручает какое-нибудь «мероприятие» начальства, с которым необходимо бороться, но бороться не хочется, — тогда он имеет обыкновение утешать себя надеждой на какое-нибудь событие, которое внезапно изменит настроение властей. За последние годы таким экстренным событием, от которого чают всякого рода милостей, стало приращение царского семейства. Вот уж родится наследник, и царь «манифест» объявит, — утешает себя обыватель. И — удивительное дело — всякий раз, как обывателю нужно искать утешения в беде, царица оказывается на высоте положения, на пути к «разрешению». Но как только дело доходит до «разрешения», обыватель оказывается разочарованным: вместо наследника, он получает новую княжну, и осуществление его пламенных надежд откладывается до следующего раза. И с горечью читает он слова: «Таковое нашего императорского дома приращение приемля новою милостью на нас и народ наш изливается»...

После того, как ген. Ванновский стал водворять «сердечное попечение», обыватель почувствовал необходимость успокоиться от волнений бурных месяцев и с упованием смотреть в очи начальства. Но для того, чтобы успокоиться, нужно было освободиться от мучительного кошмара — от картины сотен юношей, изнывающих в казармах. Убедившись, что «министр сердечного попечения» не спешит освободить их от солдатской ляжки, обыватель решил терпеливо ждать «разрешения». «Царица-то, говорят, опять... видно, будет манифест. Надо терпеливо ждать!». Не знаем, уверовали ли студенты в обывательские упования, но только и они решили «годить» со своим требованием и в ожидании возвращения изгнанных товарищей возобновили свои занятия. Порядок был водворен.

державием, то для нас, для врагов самодержавия, нет и быть не может иного пути, кроме неуклонной борьбы; одним же из необходимейших средств борьбы является политическая агитация. А кто лучше «Моск. Вед.» умеет показать злостную подкладку каждого правительственного мероприятия? Кто лучше их умеет оголять самодержавие от всех покровов, срывать все фиговые листки, налепляемые на него либеральной и полулиберальной прессой, и выставлять на позорище всю циничную наготу его «принципа»? Их статьи о голоде могут в то же время служить незаменимым пособием для политической агитации среди крестьян. Не можем поэтому не пожелать «Моск. Вед.» побольше читателей из всех слоев неправительственной России. Но для этого необходимо, чтобы почтенную газету почаще посещало вдохновение. В спокойные промежутки она нестерпимо скучна, и читать ее нет ни малейшей возможности. Но о мотивах для вдохновения в «переживаемую нами смутную эпоху» будет заботиться сама жизнь.

[В. Засулиц]

Но вот и желанное событие: наследника, правда, не оказалось, но зато мы обогатились великой княжной. И на этот раз, против обыкновения, появился-таки «манифест». Но что дал этот манифест студентам? Юноши, которые по семейному положению или телесным недостаткам не подлежали зачислению в войска, от службы освобождены, прочие восстановлены в своих правах по отбыванию воинской повинности, т. е. все будут одинаково служить два года, независимо от срока наказания, наложенного на них согласно «временным правилам». Однако, одно существенное право они потеряли: право служить только по окончании курса наук. Да, но это право они потеряли потому, что исключены из университета. Так! именно так! Царская «милость» подверждает исключение двухсот студентов за участие в тех волнениях, которые, по признанию самого правительства, были следствием ненормального состояния учебного строя. Итак, «милость» не зашла так далеко, чтобы удовлетворить требование, которое студенты поставили условием возвращения своего к занятиям; требование, чтобы все удаленные товарищи были возвращены в университет. Что же скажут те либеральные Балалайкины, которые после известного рескрипта Ванновскому лезли из кожи вон, чтобы убедить студентов сейчас же прекратить забастовку, так как-де к осени все их изгнанные товарищи будут возвращены?

Ну что-ж! Может быть, студенты порешат ждать нового «нашего императорского дома приращения», которое принесет новые «милости»? А пока жертвы Боголепова будут продолжать маршировать «на законном основании», а «временные правила» останутся в силе, как естественное дополнение к «сердечному попечению».

Кострома. В апреле месяце, опасаясь празднования 1 мая, костромской жандармский начальник, полковник Кемпе, переведенный сюда из Ревеля, где он разыскивал «социализм» в женской гимназии, вода на допросы гимназисток приготовительного класса, решил, что называется, «с корнем вырвать крамолу» в Костроме. На этот раз он не отважился уже искать «вредный дух» по ревельскому примеру среди гимназисток, а задумал попытать счастья в иной среде, — именно, среди рабочих и служащих в земстве. И вот в Костроме начался ряд обысков и арестов, было взято около 30 человек. Но и тут не повезло бедному Кемпе. Почти все арестованные оказались людьми, к революционной деятельности непричастными, никого и ничего не знающими; так например, один мелкий чиновник, ничем, кроме пьянства, не занимавшийся и от роду не выдавший ни одной нелегальной книжки, был взят и продержан около месяца в тюрьме только за то, что жандармские унтера видали часто его пьянствующим с рабочими, с которыми ему, так как он жил в фабричном районе города, понятно, приходилось часто сталкиваться в трактирах. Затем, рассчитывая, повидимому, застать в одном месте майское собрание, жандармы нашли лишь сидящую за водкой пьяную компанию, которую и арестовали, хотя и принуждены были через два часа всех выпустить, кроме хозяина квартиры, которого почему-то до сих пор держат в тюрьме.

Увидав, что попал не туда, куда следует, Кемпе ужасно переконфузился: на допросах он ужасно путается, видимо, сам не знает спрашивать, благодаря чему произошло не мало курьезных инцидентов. Однако, было не мало и печального. Так, продержав одного ни в чем неповинного человека в тюрьме три недели, Кемпе, воспользовавшись его незнанием правил для сидящих в предварительном заключении, запретил ему давать что-либо, кроме библии; затем, вообразив, что в городе существует общество, оказывающее помощь политическим заключенным, он запретил передачу естественного и денег в тюрьму, если они идут не от родственников арестованных; наконец, ворвавшись ночью, чтобы арестовать одного тоже ни к чему не причастного человека жандармы сильно напугали его беременную жену, так что с нею произошли преждевременные роды; сам этот господин все еще в тюрьме, благодаря чему потерял место. При обысках Кемпе обнаруживает полное невежество; так, например, он забрал в одном месте «Фа-

брику» Дементьева, приняв ее за нелегальную, потому что на ней не стояло «дозволено цензурой».

В Костроме только и разговоров, что об арестах, причем «глупость Кемпе» сделалась злобой дня. Но своим усердием не по разуму дурак-жандарм оказал костромским социал-демократам услугу: арестовав и привлекая к допросам многих рабочих, он тем самым заставил заинтересоваться массу рабочих вопросами «за что это людей берут?», «что это за первое мая?» и т. п., чем значительно облегчил пропаганду. Вообще, после погрома, как среди рабочих, так и среди других слоев населения, значительно увеличился интерес к нелегальной литературе.

Особенное подозрение Кемпе навлекли на себя почему-то земские статистики, так что только семи из них разрешено ехать на исследование в уезд. В число неблагоприятных, которые лишены этого права, попал даже сам заведующий статистикой.

Носятся слухи, что много народа взято также в Кинешемском и Нерехетском уездах.

Вот список взятых в Костроме: Егор Иванов, служащий в книжном складе губернского земства, бывший рабочий; братья Прянишниковы, статистик и конторщик, Скрыпкин, садовник; Алексеев, чиновник губернского правления; Загайный, статистик; Горский и Кутуков, высланные московские студенты; Медиакритский, высланный харьковский студент; Грейберт Глеб; Ляпкин и Федоровский Владимир, ученики слесарно-технического училища; Соколов Сергей, слесарь в том же училище; Бьянов Василий хозяин мастерской, был раньше рабочим в Петербурге; Плагин и Луков, портные (оба во второй раз); Риттер, наборщик; Коленцев, садовник; рабочие: Смирнов, Алексеев, Кирсанов, Фролов, сестры Семеновы и еще несколько рабочих, фамилии которых не выяснены.

По старому делу (1900 г.) вышли приговоры: статистику Третьякову два года Астраханской губ., рабочему Плагину два года Вятской губ., рабочим Лукову и Лаврову один год надзора, рабочему Румянцеву два месяца тюрьмы и год надзора, рабочему Белову три месяца тюрьмы и надзор, рабочему Анучину два месяца тюрьмы и надзор. Все, кроме двух последних, сидели в предварительном заключении от 2 до 4 месяцев.

Война социал-демократам! Нам доставлена копия воззвания, распространяемого за подписью «истинно-русского патриота, любящего своего императора и отечество, ненавидящего социал-демократов, заводского рабочего крестьянина Степ. Демид. Зенченко». Приводим текст этого любопытного изделия.

Января 3 дня 1901 г., Петроград, Шлиссельбургский проспект, село Смоленское, дом № 75, кв. 35.

Господа Русские Социал-Демократы! Читая Ваши листки «подпольные» и газеты прямо приходишь в недоумение.

Ведь это прямо вымысел! — напр. в ном. 3 рабочего листка ноябр. 1900 года в 29 строки от верха приведены слова Императора. Что же Вы хотите нас уверить, что Император сказал это? О, нет! неверим. Наш Император любящий свой верный народ разве скажет это!? Никогда! Не буду говорить о суде над Максвельцами, также об случае на невском заводе с рабочим описанным в ном. 9 газеты «рабочая мысль» за 1900 год сентябрь месяц. Но скажу одно: Бросте Ваши мечты при помощи рабочих поднять красное знамя? Все это напрасно! Вы думаете, что это рабочие под влиянием ваших печатных произведений делают стачки? Нет! Хотя и придется рабочему стачку сделать, то он ее делает просто изза иногда недоразумения между хозяином и рабочими в экономическом отношении, но ничуть в Политическом как вам снится!!!

А хотя и удастся Вам на свою сторону привлечь несколько рабочих, так, это и то благодаря их не просвещению! Но нас сотни тысяч рабочих, которые верны своим традициям и ни под каким видом не возмутятся за красный «штандар» ведь Вы все поляки и евреи? Не правдали?

а! Слюнявые либералы? Вам политических и гражданских прав! бросьте!.. Вы думаете, что дорого Вам стоящая подпольная продукция Вам приносит пользу! Наверняка каждый прочтет и сознает — брехня! Вы только нас губите.. оставте ради бога?.. Я не шпион, а просто рабочий заводский. Я действую самостоятельно против Вас и имею тысячи последователей. У нас скоро организуется такой комитет из рабочих, который будет вести борьбу против социал-демократов словом и по средством печатных брошюр дозвол. цензурой.

Истинно русский патриот Любящий своего Императора и отечество, ненавидящий соц.-демокр. заводский рабочий крестьянин.

Степан Демидович Зенченко.

P. S. Письма, возражения и проч. можете адресовать по выше указанному адресу. Нестесняйтесь, и живущ. в Петербурге, донесено не будет, писать можно на всех языках исключ. китайского.

Воззвание сие помечено 3 января. Через четыре месяца после его возникновения на том самом Шлиссельбургском проспекте, где обитает г. Зенченко, «малое недоразумение в экономическом отношении» у рабочих Обуховского завода привело к дикому нападению царских башибузов, сопровождавшемуся кровопролитием. Как объяснит г. Зенченко это «недоразумение»?

Но кто же такой этот г. Зенченко, столь торжественно объявивший войну социал-демократам и обещающий организовать целый рабочий «комитет» для борьбы с крамолой? Он уверяет нас, что он не шпион и действует самостоятельно, имея тысячи последователей. Очень может быть, что он и впрямь не шпион, но плохо уже и то, что ему приходится начинать свою политическую деятельность с уверения в своей «самостоятельности»... от охранного отделения.

Как бы то ни было, а война объявлена. О брошюрах фирмы «истинно-русский патриот и компания» мы пока не слышали, но зато прочли в газетах о приветствии, посланном г. Зенченко раненому (ныне умершему) Боголепову. Г. Зенченко писал: «Глубоко пораженные горестной вестью о преступном покушении на жизнь вашего высокопревосходительства, заводские рабочие Петербурга — Невской пригородной местности воссылают молитвы о скорейшем исцелении вашем. Да подаст вам господь многие лета продолжать вашу просветительную деятельность на благо-России».

Молитвы г. Зенченко не были приняты во внимание небом, может быть, потому, что они лживо представлены от имени «заводских рабочих» целого района. Мы, напротив, знаем, что рабочие в Петербурге вообще, и на Шлиссельбургском тракте в частности, очень сочувствовали Карповичу и являлись 11 марта на Невский с целью демонстрировать тоже, вероятно, не в пользу гг. Боголеповых. Нехорошо, нехорошо, г. Зенченко, начинать свою политическую карьеру с подлога и все призывать имя петербургского пролетариата!

Г. Зенченко божится, что он не шпион. Однако, для шпиона Зубатова такой «истинно-русский патриот» чистая находка. Обращаем поэтому внимание петербургских товарищей на нового рыцаря борьбы с социал-демократией*. Адрес его, обязательно сообщенный в воззвании: Шлиссельбургский просп., село Смоленское, дом № 75, кв. 35.

Цензурные безобразия. Прибегая все чаще к закрытию неприятных ему органов печати упрощенным порядком без последовательных «предостережений», наше правительство может спокойно отказаться от воздействия на печать обычным способом. Изданный на-днях закон о давности для предостережений представляет кость, бро-

* Еще до своего выступления с «политическим» приветствием г. Зенченко жаловался в письмо в редакцию «Нового Времени» на то, что одно его появление в приличной одежде вызвало среди рабочих подозрение, не «агент» ли он. Как, однако, печально, что на челе «истинно-русского патриота» явственно видна Каинова печать!

шенную литературе после того, как ее отдали в полное распоряжение четырех министров. Отныне, если после одного или двух предостережений газета просуществовала известный срок (один год или два) без новых «воздействий», предостережения с нее снимаются. Но раз узаконен способ закрытия газет без всяких предостережений, какое может иметь значение эта «милость»? А между тем «либеральные» лакеи «Новостей», «Бирж. Вед.» и им подобных газет радостно зывали по поводу этих «облегчений». Этот вой был тем противнее, что он раздался над трупом только что погубленной «Жизни», судьба которой должна бы служить предостережением для освобожденных от «предостережений»* газет.

В лице «Жизни» прекращен подцензурный журнал, в котором ни одна строка не появлялась без просмотра со стороны цензурного ведомства. И все-таки оказалось необходимым его запретить, при чем повод для закрытия был необыкновенный: не та или другая статья повела к каре, а факт ареста многих сотрудников этого журнала в апреле этого года.

Однако, если мы вдумаемся в причины самого ареста сотрудников «Жизни», то не сможем отрешиться от впечатления, что он в значительной степени обусловлен самым направлением журнала. Особая строгость, проявленная к сотрудникам «Жизни», как еще ранее к гг. Струве и Туган-Барановскому, объясняется не фактом их участия в последних событиях, но тем особенным значением, которое наше правительство стало в последние годы придавать марксистскому направлению. Значение, приобретенное в нашей общественной жизни рабочим движением и социал-демократией, отразилось на отношении правительства к марксистской литературе, как бы бледна она ни была. Все издания, которые за последние четыре года были закрыты в необычном порядке («Новое Слово», «Начало», «Северный Курьер», «Жизнь»), в той или иной степени были прикосновенны к марксизму, а следовательно, отвечали перед правительством за успехи социал-демократического рабочего движения.

С одной стороны, сотрудники «Жизни» подвергаются арестам и высылкам потому, что они причастны к марксизму; с другой стороны, журнал закрыт не за «вредное направление», но по случаю ареста сотрудников. Удивительная логика! Но какое дело до логики правительству, уверенному, что убийство печатного органа сойдет ему даром, не вызвав протеста в равнодушной публике.

Как бы то ни было, а в легальной литературе заткнута последняя щель, через которую идеи социал-демократии могли — хотя бы и в обесцвеченном виде — выходить на свет божий. Тем более важное значение приобретает нелегальная социалистическая печать.

«Новый курс». Только что получено известие о новом проявлении зубатовской политики. На-днях в Минске среди приказчиков было распространено воззвание, направленное против господствующего среди них обычая воровать товар из магазинов и указывающее, что это несовместимо с сознательной борьбой против хозяйской эксплуатации. Тогда, через два-три дня, в городе было расклеено подписанное местным жандармским полковником Васильевым позвание к приказчикам, в котором он высказывает сочувствие к такого рода деятельности более развитых из их среды, но выражает свое удивление по поводу того, что они делают это нелегально, рискуя подвергнуться преследованиям и проч., тогда как стоит им обратиться к нему, и он с удовольствием предоставит им губернскую типографию... В заключение Васильев приглашает всех приказчиков на собрание, имеющее состояться в субботу 16-го под его председательством. На собрание (кажется, в думе) пришло до 500 приказчиков и десятков-другой хозяев. Кроме Васильева, присутствовал губернатор и полицмейстер. Васильев открыл собрание весьма теплой речью, в которой доказывал, что правительство весьма благосклонно относится к попыткам масс улучшить условия своего существования, но напрасно непримимо настроенные элементы придают этим попыткам политическую окраску. Он неизменно будет содействовать всем

попытками приказчиков улучшить свою жизнь и на первый раз предлагает им выбрать комиссию для обсуждения их насущнейших нужд. Выбрана комиссия из 15 приказчиков и 10 хозяев. В ответ на заявление Васильева раздались сочувственные речи, вполне подчеркивающие его точку зрения. Раздались также голоса, требующие издания закона о закрытии магазинов не позже 9-ти часов вечера, но комиссия тут же высказалась против, рекомендуя обратиться к хозяевам с коллективной просьбой об этом. Васильев любезно предоставил свою квартиру для заседаний комиссии. Первое заседание, под его председательством, состоялось в воскресенье. Тактика Васильева встретила в мелкобуржуазно настроенной массе приказчиков полное сочувствие и признание. Агитаторы, только недавно начавшие оказывать на нее влияние, совершенно оставлены, отношение к ним резко враждебное.

«Сердечное попечение» понимается директором первой Виленской гимназии вполне согласно с духом наших порядков. Перед самым окончанием экзаменов к директору был вызван ученик-еврей, долженствовавший получить золотую медаль. При весьма парадной обстановке директор обратился к гимназисту с указанием на то, что ему известно его участие в кружках и т. п., что он имеет основание предполагать и худшее и что поэтому он предлагает ему на выбор: или дать слово, что он никогда не будет принимать участия в студенческом движении и вообще в революционных делах, или же лишиться золотой медали (что в настоящее время лишает еврея возможности поступить в университет). Юнец дал слово.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

С.-Петербург. Приводим имеющиеся у нас сведения о рабочих волнениях в Петербурге в течение мая и июня. На Выборгской стороне началось на ткацкой фабрике Чешера. Была решена забастовка. Причина недовольства: дурная питьевая вода, отсутствие какой-бы то ни было вентиляции, отсутствие какого-то инструмента для перерезывания ниток при работе: приходилось перекусывать нитку зубами, что причиняло сильные порезы губ и щек; выставлено было, между прочим, требование восьмичасового рабочего дня. Вторая смена рабочих (исключительно мужчин) осталась по окончании работы ночевать на фабрике с целью не допустить первую смену к работе. Утром это было исполнено, и вся толпа двинулась к другим соседним фабрикам, приглашая их присоединиться, при чем иногда пускали в ход камни, побуждая оставить работу. Примкнуло несколько фабрик: Вороненская мануфактура, Сампсониевская, завод Лесснера и др. Была вызвана полиция, казаки, войска. Началась драка между противными сторонами. Два переулка были забаррикадированы. Полиция и солдаты провозились несколько часов, прежде чем ворвались туда. Рабочие, живущие в доме № 9 по Форбесову переулку, выдержали правильную осаду и долго отбивались, швыряя из окон в осаждавших камни и т. п. Когда солдаты и полиция ворвались в дом, произошли обычные сцены. Схватывали, волокли и сбрасывали с лестниц, внизу подхватывала полиция, била и присоединяла к оцепленной арестованной уже толпе. Ружейных залпов не было, били кулаками, ногами, холодным оружием. Солдаты оказывали деятельную помощь полиции. Масса раненых. Число убитых неизвестно; в свалке зарублено двое ребят. Главный фабричный инспектор Лебедев, по сути своей подлец и жандарм, не был допущен к переговорам с толпой; полиция резко заявила ему, что теперь здесь ее дело, а не его. Лебедев обижен и жаловался Ковалевскому в департаменте. На другой день

были вывешены подписанные Клейгельсом приглашения приняться с 12 час. за работу, с предупреждением в противном случае об увольнении. Текст везде одинаковый. 7 мая было уже все тихо, хотя работа не начиналась. Аресты шли усиленные среди рабочих. После седьмого встали на работу.

Обуховский завод. Первого мая часть рабочих какой-то из мастерских не явилась на работу, за что и была уволена вовсе с завода исправляющим обязанности управляющего полковником Ивановым (управляющий Власьев был с первого мая в отпуску). Товарищи уволенных заявили, что они уйдут тоже, если не будет отменено это распоряжение. Иванов ответил, что они могут уходить, он-де найдет рабочих сколько угодно. Тогда поднялись остальные мастерские с тем же требованием. Иванов не уступал, и все решили забастовать. Дали сами гудок о прекращении работы и высыпали толпами на улицу. К шести часам вечера к забастовщикам присоединились рабочие Александровского сталелитейного завода (Берта). Держали себя тихо и, может быть, так бы и обошлось, если бы Иванов, угрожая и ругаясь площадными словами, не потребовал по телефону войска и всю свору казаков и жандармов. Толпа заволновалась и, разобрав мостовую, вооружилась камнями и чем попало, приготавливаясь к отпору. Возбуждение росло и при виде полиции перешло в действие: полетели камни, и началась свалка: полиция пустила в ход шашки.

Подростки помогали рабочим, подавая камни; масса ребят арестована по этому случаю. Полагают, что их выпорят в участках и отпустят. Сперва пришли батальоны, квартировавшие в районе Обуховского завода; все они большей частью перероднились и перекумились с местным населением. Затем пришли войска из города, драка не прекращалась... Было сделано три залпа без предупреждения разойтись. Много раненых, есть и убитые. Сколько, точно не знаю. Вызвали Власьева, случайно бывшего, кажется в Петергофе. Он приехал. Рабочие отнеслись к нему хорошо и кричали: «Вами, ваше превосходительство, мы очень довольны, уберите от нас только подлеца Иванова». (Квартира Власьева смежная с квартирой Иванова, в квартире Иванова не осталось неразбитым ни одного стекла, тогда как у Власьева нет даже трещины ни в одном окне). Власьев просил успокоиться: 1) немедленно приняться за работу, 2) выбрать депутатов от каждой мастерской, 3) поручился за безопасность выбранных депутатов, 4) потребовал, чтобы лица посторонние немедленно оставили завод, в противном случае они будут выданы полиции, 5) о требованиях доложит в министерство и о результатах объявит всем, 6) депутаты должны быть выбраны к субботе, а в пятницу приступить к работе. Рабочие согласились. В субботу явились депутаты и представили требования в 14 пунктах. Всех пунктов не помню, но вот главные: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) удаление Иванова и нескольких других мастеров, 3) вежливое обращение мастеров с рабочими, 4) правильная расценка, 5) уменьшение штрафов, 6) отчет в штрафном капитале, 7) возвращение всех уволенных за это время Ивановым. Власьев прибавил еще 15-ый пункт: страхование рабочих.

Один петербургский городской так рассказывает об Обуховской бойне: началось с того, что стачечники стали бить рабочих, не бросивших работу. Когда же появилась полиция, то и те и другие соединились и бросились на нее. На протяжении почти полуверсты была разобрана мостовая, и камни тучей летели в полицию. Вызванные солдаты сделали 8 залпов (40 чел., след. 320 выстрелов), убитых 3, тяжело раненых 8. Такое сравнительно небольшое число раненых и убитых, несмотря на то, что толпа тесным кольцом окружала солдат и была от них в нескольких шагах, городской объясняет тем, что большинство солдат стреляло нарочно выше голов или в бок, в стены завода. «Надо креста на шее не иметь, чтобы стрелять в своего брата. Только скоты как следует стреляли» — подлинное слова городского *. Другой корреспондент также рассказывает

* От того же городского удалось узнать следующие подробности о событии 4 марта: начальство считало демонстрацию 4 марта настоящей революцией. Перед от-

о том, как в дер. Волинкиной (за Нарвской заставой) рабочие, учинившие между собою драку, соединились, как только появилась полиция, и бросились на нее. Говорят, при этом убито двое городских.

Семянниковский завод. Там было так: Первого мая рабочие явились к управляющему с просьбой, чтобы не было в этот день вовсе работ. Управляющий ответил, что не может запретить праздновать желающим, но что гудок на работу будет в обычное время. По гудку на работу явилось из 5.000 лишь 1.500, после 12 час. к ним прибавилось еще 300, и больше ничего. Все обошлось мирно, и даже не было, говорят, штрафов неработавшим первого мая. Через несколько дней произошла забастовка; рабочим было предложено высказать требования через выборных депутатов. В числе требований были: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) отмена обысков при приходе и уходе с работы, ибо это оскорбительно. На рассмотрение этих требований начальство заводское просило двухнедельный срок. За работу принялись. В пятницу перед Троицей остановились Паль, Семянниковский опять, Чугунный завод. Общее требование: работа по субботам до двух часов и плата за весь день. На фабрике Гука была забастовка с требованием повышения расценок. Рабочие выбили стекла. Вызваны усиленные наряды полиции, масса жандармов, казаки, приготовлены и, кажется, уже вызваны были войска. Рабочие держали себя спокойно, столкновений пока не было, но наблюдается очень грустное явление: драки между рабочими, желающими работать, и нежелающими сейчас приступить к ней. Другое грустное явление: поднимаются группами, в лучшем случае целой фабрикой, о массовой забастовке нет и помину, и полиция легко подавляет в одиночку вспыхивающие протесты. Полное отсутствие интеллигенции и страшная нужда в ее руководительстве и совете. Интеллигентов ищут, но кто засажен, кто имеет хвост.

На Путиловском заводе пока спокойно, администрация заблаговременно просила полицию принять «меры пресечения», что и было сделано. — Была стачка на Николаевском вокзале, в железнодорожных мастерских. Рабочие требовали возобновления уничтоженных сверхурочных работ (!), так как их обычный заработок не достаточен для пропитания (50 коп. в день). Обещание удовлетворить (еще бы!) такое скромное требование прекратило стачку.

30 мая начались волнения на Балтийском судостроительном заводе. Рабочие забастовали, требуя восьмичасового рабочего дня и, по слухам, прекращения сдачи заказов морского министерства иностранным верфям. Балтийцы двинулись к соседним заводам, из которых гвоздильный и фабрика Пализена примкнули к ним и пошли на остров в город. У Николаевского моста произошла довольно жестокая свалка с полицией, рабочие были отбиты. К стачке после примкнула часть рабочих Франко-Русского завода.

Говорят, что Клейгельс хотел выслать всех забастовщиков, но этому воспротивилась заводская администрация и морское министерство. Опять замечается грустное явление: раскол между рабочими и драки по этому поводу.

Саратов. Недели две тому назад у нас появилась «Рабочая Газета». Вышло уже два номера*. Вся до последней строки писана рабочими и вообще пока еще интеллигенция не принимала в ее издании никакого участия. Любопытна тем, что с первого же номера говорит о со-

правлением городских на площадь из Александровской части им было роздано по 36 патронов, и полицмейстер сказал речь, в которой предупреждал, что, может быть, многим из них не придется вернуться назад, а лечь костями за царя. Кончив, он перецеловал весь отряд.

* В настоящее время вышли номера 3 и 4.

циализме и политической свободе. Первое мая (русское и заграничное) прошло спокойно и не отмечено никаким выдающимся фактом. За несколько дней до 1-го и 18-го (след., два раза) были распространены и расклеены на местных фабриках и заводах прокламации от группы социалистически-революционеров, приглашающих рабочих праздновать первое мая. За городом собралось около 50 рабочих (интеллигенции не было, т. е. ее не приглашали). Пришло бы и больше, да организаторы так законспирировали место, что несколько групп рабочих так и не могли попасть куда следует. Было порядочно новичков. Но в общем собрание было не из удачных. На вопрос некоторых из рабочих, почему не пригласили интеллигентов, один из «развитых» и распропагандированных (в духе «Раб. Мысли») рабочих ответил, что в этом нет никакой надобности, что вообще интеллигенция не должна мешаться в рабочие дела и т. д. По этому поводу возник спор на тему: должна ли интеллигенция вмешиваться в рабочее движение, и в конце концов этот вопрос был решен положительно. Большая часть публики осталась недовольна этим собранием и решила в следующее воскресенье собраться еще в большем количестве, но слухи об этом предполагавшемся собрании начали циркулировать настолько усиленно по городу, что достигли ушей полиции, и в результате—в этот день в местность, где предполагалось собрание, назначен был наряд. В виду такого положения дел собрание не состоялось.

За последнее время вообще среди местных рабочих велась некоторыми приезжими петербургскими рабочими пропаганда в духе «Раб. Мысли»: отрицание необходимости борьбы за политическую свободу, значения интеллигенции для рабочего движения и проч. Но, повидимому, эта пропаганда успеха не имела.

Перед пасхой была произведена масса обысков (до 30), но безрезультатно. Причиной послужила предполагавшаяся на второй день пасхи манифестация. С этой целью было распространено до 500 прокламаций. Полицией были приняты самые энергичные меры. Между прочим был вызван Уральский казачий полк, солдатам был отдан приказ спать не раздеваясь, вооруженными. Слежение за интеллигенцией было усилено. Многих молодых людей, шедших по улице с книгами, околоточные останавливали и требовали сопроводить их в участок для производства у них обыска, что и приводилось в исполнение. Около этого же времени было произведено несколько обысков по деревням у крестьян, как говорят, по доносу попа.

Воронеж. Общество Юго-Восточных железных дорог с усердием практиковало систему «поощрения» рабочих к более усердной работе обещанием наградных на рождество и пасху. Когда же результат достигался и спешное время обилия работ проходило, всегда оказывалось, что в «нынешний раз» наградных не будет, списки-де отслуживших три года, имеющих право на награду, еще не проверены. Так продолжалось из года в год, так было и в нынешнем году. В последних числах марта было заявлено, что наградных опять не выдадут. На этот раз не выгорело. Рабочие решились напомнить... Требование о выдаче наградных за три года было одновременно предъявлено во всех главных мастерских: в Луганске, Орле, Воронеже, Борисоглебске. К ним же присоединились козловские и тамбовские мастерские, всего до 8.000 чел. Время было выбрано удачно. У всех в памяти были только-что прошедшие мартовские дни. Подъем возмущенного духа с одной стороны и подъем трусости с другой замечался везде. В такое время командующим лицам не хотелось разгорячать страстей. Рабочие в тот же день получили ответ, что требование их будет удовлетворено. Стачка продолжалась всего несколько часов. Жандармские власти принимали деятельное участие в «успокоении», стараясь, чтобы требования были удовлетворены. «Держи нос по ветру».

Интересно, что, когда конторщики попросили, в свою очередь, награды, им ответили: «Зачем же вам давать, вы ведь не требовали». Правильно!

Выдав наградные, начальство затосковало и начало искать корень зла. Жандармы уверяли, что тут не без влияния. В воронежских мастерских было намечено до ста

человек, и им стали выдавать расчет якобы за сокращением работ. Тут подоспел май месяц. Стало замечаться волнение. Незадолго перед тем в селе Урезовке, по распоряжению губернатора, была произведена экзекуция над 26 крестьянами за неповиновение властям. Рабочие не остались равнодушны к этому поруганию личности, и среди них ходили толки, что надо выразить протест. События общественной жизни вообще находят отклик среди рабочих. Напр., номера газет с описанием Обуховской истории покупались, читались и обсуждались. В этот день чувствовалось что-то хорошее, бодрое. Масляные, грязные лица как-то торжественно улыбались, и верилось, что рабочие не испугаются жертв. Первого мая южные рабочие вообще празднуют, и начальство к этому привыкло. Не желая, чтобы рабочие сами бросили работу, оно пошло даже на то, что вывесило в прошлом году такое объявление: «По случаю первого мая сегодня работы производиться не будут». Нынче пронесся слух, что рабочие намереваются устроить демонстрацию на Дворянской улице (главная в городе). Дня за два, за три до первого мая к одному рабочему подходит жандарм. «Что-то у вас затевается?» — «А что?» — «Как что? не слышал, что ли?» — «Ничего не слышал». — «Знаем мы! Нас не проведешь! А зачем музыку наняли? Пройтись хотите? Смотрите, всех разнесем». Так вот как ждали, даже с музыкой! 1 мая прошло тихо. Стали ждать 15-го. Начальство волновалось. По Дворянской гуляли офицеры в походной форме. Неуклюжий жандармский полковник Добрянский грациозно гарцовал на коне, чувствуя себя героем. То и дело проезжал полицеймейстер со своим неизменным гайдуком, скачущим на низкорослой лошадке. Жандармы метались, как ошпаренные крысы. Вообще проявлял деятельность. Из канцелярии управления писали донесения. Четырем ротам (480 солдат) был отдан приказ быть наготове, но причины этого солдатам не объясняли. Было выдано по 30 боевых патронов на брата. Целый день солдат держали под ружьем. Ночью и то спали в полной форме. Полковник Коротояжского батальона произнес речь: «Ты его предупреди раз, предупреди два, третий не предупреждай — бей его, сукина сына». Бить не пришлось, ибо ничего не произошло. Начальство произвело переполох и тем показало, что не совсем хорошо себя чувствует. Протест не вылился, но это не значит, что он не выльется.

Из Иваново-Вознесенска сообщают о целом ряде мелких фабричных протестов, которые показывают, что обострение нужды, вызванное кризисом, и ведущаяся местными социал-демократами агитация не проходит бесследно.

После пасхи 12 рабочих на ткацкой фабрике Зубкова, уволенных за беспокойный нрав, потребовали и добились от фабрики уплаты за две недели, как это требуется законом. Как водится, фабричный инспектор не только не поддержал законное требование рабочих, но и пытался запугать их окриками и бранью. Только настойчивость рабочих, грозивших жалобой на самого инспектора, побудило этого «охранителя закона» исполнить свой долг.

На фабрике Дмитрия Бурлыгина рабочие отбили попытку фабриканта отнять у них праздник 8 мая (Ивана Богослова), доселе бывший на этой фабрике нерабочим днем. Там же женщины пытались добиться повышения своей заработной платы, но безуспешно.

На фабрике А. И. Гарелина 4 июня все рабочие отправились к фабричному инспектору и предъявили ему требование об удалении надоевшего им табельщика. Требование было предьявлено настолько энергично, что фабричный инспектор посоветовал управляющему его удовлетворить, что и было в конце концов исполнено.

На чугуно-литейном заводе Калашникова (200 чел.) сокращение расценок привело к уменьшению заработка вдвое. 15 мая натянутое положение между литейщиками и администрацией завода приняло самый острый характер. Получив месячный расчет, литейщики, в количестве 70 человек, заявили о своем нежелании заключать договор на условиях, предлагаемых администрацией завода, и потребовали

возвращения к старым условиям — полугодовому найму (вместо месячного) и зимним расценкам. Заводоуправление отказало в требовании литейщиков, угрожая заместить их рабочими из других городов. Литейщики дружно отказались от возобновления найма и отправились к фабричному инспектору просить о посредничестве. Фабричный инспектор отказался от всякого вмешательства в это дело, так как-де хозяин имеет право изменять принятую систему найма и расценки. Заводоуправление стало вербовать рабочих в Шуе и Москве. Из Москвы выписано было 10 рабочих, от которых при найме скрыли, что зовут на места стачечников. Обещан им был хороший заработок — 75—80 руб. и больше в месяц. Но когда москвичи прибыли в Ив.-Вознесенск и увидели, на какую роль их приглашают, они заявили иваново-вознесенцам, что привезены обманом и если бы знали о стачке, то не приехали бы. С этого времени между ивановцами и москвичами установилась полная солидарность, и вскоре же москвичи отправились к фабричному инспектору с жалобой на завод. И хозяева, боясь осложнений, тут же отправили одного из беспокорных литейщиков обратно в Москву.

В Шуе нанятые были литейщики, как только узнали о стачке, отказались ехать. Тогда Калашниковский завод сдал часть своих неотложных заказов заводу анонимного общества в Шуе, администрация которого состоит в родстве с администрацией завода Калашникова. Рабочие зав. Калашникова обратились к Ив.-Вознесенскому Комитету Соц.-Дем. Партии с просьбой о воздействии на шуйских рабочих. Комитетом были выпущены прокламации к рабочим завода анонимного общества. Прокламации вызвали забастовку, и рабочие потребовали, чтобы от Калашникова заказы не принимались. Администрация обещала удовлетворить это требование, приглашая не прерывать работы и ожидать приезда хозяина. По приезде последнего рабочие получили «угощение» водкой, а те из них, которые не работали до приезда хозяина, получили расчет либо штраф.

Стачка на Калашниковском заводе продолжалась полторы недели и кончилась частичной уступкой — повышением расценок до зимней нормы. Москвичи отправились домой, и калашниковские литейщики устроили им сбор на дорогу. «Хозяинские забегалки, — пишет корреспондент, — ознакомили своих рабочих с москвичами и тем оказали им некоторую услугу, показав, что экономические потребности здешних рабочих много ниже, чем в других городах».

Понятно, что все эти проявления протеста не могли не вызвать вмешательства царских опричников. «Полиция, — пишут нам, — за последнее время стала особенно чутка и наблюдательна за рабочими, а первого мая не было места, где бы не встретился полицейский». В ночь с 17 на 18 мая над Иваново-Вознесенском пронесся жандармский ураган, который выразился в аресте девятнадцати человек рабочих. Из арестованных удалось узнать следующие фамилии: Г. Ляпин, Н. Голоухов, Белов, Королев, Филипов, Жаров, Баринов, Боголапов, Макруев, Воробьев, Соколов, Гаравин. Арестованные содержатся частью в местной тюрьме и по фабричным арестантским. Таскают многих в тюрьму на допрос; из них задержали троих. Дело ведет местный полицмейстер и жандармский ротмистр, ведут очень глупо, подчас забирают безграмотных. Интересно, нам удалось узнать, — что за несколько времени перед арестом Баринов был приглашен к полицмейстеру, который предлагал ему поступить к жандармам в шпионы. Баринов отказался, говоря, что его все знают и могут скоро прикрыть. На это в утешение полицмейстер предлагает два-три револьвера, но и это не соблазнило Баринова. Спустя два дня Баринова уже приглашает жандармский ротмистр, который уже предлагает рублей на 5 больше, чем полицмейстер (последний предлагал 15 рублей) и просит Баринова, чтобы он указал главных деятелей. Баринов отказался. Теперь его арестовали, очевидно, подозревая, что он самый главный.

Не знаем, жалеет ли Баринов, что он не получил 15 р., но зато уверены, что ротмистр и полицмейстер очень жалуют, что за 15 р. им не удалось узнать главного.

Просят остерегаться конторщика Колычева на фабр. Гарелина (черный, сутуловатый, говорит басом). Будучи однажды арестован, рассказал все, что знал, благодаря чему многих забрала.

* * *

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться...

Именно такого рода услугу оказала рабочим Иваново-Вознесенска для первого мая в прошлом году с.-петербургская организация, а в нынешнем году в этом же направлении трудились, очевидно, другие доброжелатели. К стыду первых должны признать, что они были скромнее нынешних доброжелателей, но все же мы не думали сообщать о том, что было в прошлом году, если бы и в этом году не было такого же печального поползновения.

В прошлом году доставили в Иваново-Вознесенск достаточное количество майских листов из Петербурга. Доставили, но не дали совета, как наилучше распространить эти листки. И вот местные рабочие, не работавшие раньше листками, разделили на несколько человек эти листки и, придя к фабрике, стали раздавать выходящим рабочим упомянутые листки. (Способ очень хорош в будущем и, может, им очень воспользуются, но там, где только начинают такую деятельность, это невозможно по очень многим соображениям). Конечно, раздать им удалось достаточное количество, но в конце концов их всех забрали и отправили к жандармам. Дальше — процесс, и почти все арестованные выдавали, а некоторые наговорили больше, чем знали сами. Это было бы полбеда, если бы сами листки стоили, чтобы их распространять. Но тут-то и есть самая главная беда. Оказалось, что распространенные листки вызвали негодование рабочих против тех же листов. И это очень понятно: в Иваново-Вознесенске работают девять часов чуть ли не на всех фабриках (хотя и не все рабочие), а им предлагают требовать девятичасового рабочего дня... Эх, господа составители, писатели и доброжелатели, этак можно очень много натворить пакостей рабочим!!

В нынешнем году был доставлен также листок в готовом виде и в большом количестве и это, может, будет повторяться еще и еще, и не только в Иваново-Вознесенске, а и в других местах, и вот почему я, рабочий, протестую против такой скверной (извините за выражение!) постановки дела! Против таких отживших и предвзятых приемов!

Раньше, чем напечатать и доставить листок, его нужно доставить для обсуждения местной рабочей организации, какая бы она ни была, и если она его одобрит, то она, наверное, его и распространит, и тогда не повторится такое печальное явление, как с листком в Иваново-Вознесенске, который доставлен был для распространения, а не доставлен был для обсуждения. Благодаря этому, его как будто доставили для того, чтобы уничтожить не только как неудовлетворяющий, но и как вредный листок. И в самом деле, выставить требование девятичасового рабочего дня, когда здесь работают столько часов — разве этим возможно заинтересовать рабочих?! Опять же требовать суда присяжных над стачечниками! Разве это не есть смешная ирония? Это значит, что мы будем признавать справедливым преследование стачек. Для нас нужен не суд присяжных над стачечниками, а полная свобода стачек, — даже больше, — покровительство стачечников. Очень жаль, что уничтожены все упомянутые листки. Мы не преминули бы познакомить с полным подлинником.

Рабочий за рабочих.

Из Шуи пишут о возмутительных порядках на ситцепечатной, ткацкой и прядильной фабрике Павлова (до 3.000 чел.). На этой фабрике хозяин с сыновьями в полном смысле слова развратники, и один из сыновей доразвратничался до сумасшествия и теперь находится в психическом недомогании и получил дурную болезнь. Благодаря всему этому, трудно какой-нибудь девушке остаться в полной безопасности от этих наглых, бесстыдных представителей русского капитализма и столпов отечественного правительства. Хозяин имеет особых работниц, которые стараются свращать молодых девушек. Из фабрики Павлов сделал своего рода гарем. Глядя на хозяина и его подлых

сыновей, и служащие позволяют себе мерзости... На фабрике есть много станков, покрытых рогожами, потому что хозяин боится нанимать на свою фабрику мужчин из страха перед бунтом, женщины же на этих станках работать не могут по недостатку физической силы.

У всякой работницы и работника сердце ноет от тех порядков, которые творятся на фабрике Павлова.

* * *

Из того же города сообщают: «У нас в городе недавно были обыски и аресты. Арестовывают ночью, и теперь есть у жандармского ротмистра целое дело. Конечно, в других городах арестовывают, потому что находят подпольные книжки и газеты, и у нас арестуют потому, что находят цензурные книги, хотя бы одну или две. И вот на допросе, чинимом жандармским ротмистром, он вопрошает:

«— Это у тебя зачем?»

«— Читать купил.»

«— А почему купил именно эту, а не житее? или: почему читаешь, а не спишь? или: не ведешь такой бесстыдный образ жизни, как он, шуйский ротмистр. Он, ротмистр с фабрикантом Павловым напивается до положения грязной свиньи и потом в таком виде целуются публично и изливают свои взаимные чувства на глазах удивленной публики. Павлов же для таких случаев приказывает которой-нибудь свахе (таких он имеет несколько на своей фабрике) приготовить такую-то девушку, и это выполняется, точно речь шла о том, как зажарить цыпленка. И это делают представители русского капитала и представители жандармской власти. И потому-то они стараются удержать в темноте массу, поэтому нельзя рабочему пройти по городу с книгой под мышкой, чтобы таковую не вырвал полицейский и не посмотрел: „Это что за книга?“ Это особенно бывает часто около читальни.

«Раз представитель капитала Павлов, представитель правительства жандармский ротмистр, представитель русских попов-инквизиторов Евлампий отправились с целью напиться до осатанения за много верст от Шуи. И точно что напились (были, конечно, с ними и другие), начали безобразить и чуть не подрались. Потом все заставляли попа Евлампия задать в своем поповском балахоне плясового трепака, но поп Евлампий, напившись, сделался строптив и ни за что не хотел итти плясать. Тогда разгневанные друзья выгнали пьяного попа, и поп уже верст девять отмахал к Шую (по какой-то случайности не завалился в канаву), и только на десятой версте догнала много спустя посланная подвода и довезла строптивного попа до дома».

Из Орехово-Зуева нам пишут: «19 марта в местечке Никольском были произведены аресты. Арестован Рудаков, выпущенный через несколько дней. Обыски сделаны у Ивана ткача и Агафона уборщика, по слухам также в доме Солнцева. Причина такого набега, как нам удалось узнать, — деятельность шпиона провокатора Ниткина (настоящая фамилия Дмитриев). Этот Дмитриев был привезен новым директором фабрики Викулы Морозова Скобелевым месяцев восемь тому назад. Он и действует с ведома Скобелева, получая от него деньги на разные расходы. Дмитриев-Никитин живет среди рабочих в казарме. Приметы: лет 33, рост выше среднего, плотного телосложения, большой лоб, мутные серые глаза, говорит мягко, при разговоре на лбу делаются морщины, смотрит исподлобья».

Красноярск. 17 апреля по городу были расклеены прокламации сибирским рабочим. Всего содержания я не напишу вам, так как оно очень велико, вот только отрывок. Вначале говорится о студенческих беспорядках и о средствах, которыми полиция не гнушается подавлять их. Далее говорится о празднике первого мая и рабочие призываются пройти по главным улицам города со знаменами, на которых будут выставлены такие требования: 1) чтобы страна управлялась по законам, составленным избранными

от всего народа лицами, а не по произволу царя и его приспешников, как это делается теперь; 2) чтобы выбирать и быть избранными могли люди не только богатые, но все без исключения жители России в одинаковой степени; 3) чтобы подача голосов при выборах производилась тайно, иначе лица власть имущие могут оказывать влияние на избирателей или подчиненных (напр., предприниматели на своих рабочих) и проводить в законодательное собрание своих кандидатов; 4) чтобы все желающие могли свободно собираться для каких угодно целей и свободно устраивать всякого рода общества; 5) чтобы каждый мог свободно держаться веры, которую он находит наиболее правильной; 6) чтобы каждый мог в публичных речах и в печати высказывать свои взгляды по всем без исключения вопросам; 7) чтобы никто не мог быть арестован и выслан без постановления суда.

«Без всех этих прав мы никогда не добьемся улучшения своей жизни, а потому напряжем все свои силы, чтобы добиться их... Итак, товарищи, время теперь удобное: смело и дружно пойдем на борьбу с самодержавием, общими силами преодолеем все препятствия и выйдем из этой борьбы победителями».

Вот вкратце содержание прокламации. Но никакой демонстрации не произошло.

В другом сообщении из Сибири нам пишут, что упомянутые листки были распространены во всех крупных сибирских городах, как-то: Томск, Омск, Красноярск, Иркутск, Благовещенск. В этих листках после «выяснения значения первого мая и политических требований — восьмичасового рабочего дня, свободы собраний, слова и т. д.—указывалось на важность соединения с широкой протестующей публикой, на образование одного общего революционного потока». 18 апреля в некоторых мастерских (в Томске) рабочие бросили работу с 12 час. дня. Первого мая по русскому стилю были снова распространены листки как среди рабочих, так и в публике вообще. Часть листов напечатана в типографии.

Первое мая в Тифлисе. Событие, бывшее в воскресенье 22 апреля (ст. стиля) в Тифлисе, является исторически-знаменательным для всего Кавказа: с этого дня на Кавказе начинается открытое революционное движение. Уже 3—4 года, как тифлиские сознательные рабочие начали спланировать под общим рабочим знаменем и начали соединенными силами вести борьбу против господствующих классов и против настоящего государственного строя. Кто мог предположить, что вчерашний трус, неопытный и неграмотный армянин или грузин рабочий — сегодня герой, готовый пролить свою кровь и итти на мучение за общее святое дело? И они как нельзя лучше доказали это 22 апреля.

Прежде всего нужно заметить, что с недавнего времени началась усиленная и энергичная социалистическая пропаганда среди рабочих кружков, хорошо организованных, а рабочие собрания, беседы о рабочем вопросе и распространение в громадном количестве брошюр между русскими, грузинскими и армянскими рабочими, — все это имело значительное влияние на рост и развитие рабочей партии. Праздник первого мая также имел воспитательное значение для рабочих. Этот праздник за последние годы совершался за городом, далеко от полиции и от глаз администрации. В прошлом году, напр., несмотря на отвратительную дождливую погоду, более 400 рабочих разных национальностей праздновали первое мая за 4 версты от города на открытом воздухе в одном ущелье. В этом же году местный комитет решил отпраздновать первое мая, устроив торжественную манифестацию в городе. Этого хотели и сами рабочие, но не того хотела администрация: начались ежедневные аресты, обыски. В настоящее время Метехский замок и губернская тюрьма переполнены арестованными рабочими и социалистами; число их доходит до нескольких сотен, а может быть, и до тысячи: факт тот, что сажать больше некуда, и новых арестованных отправляют в военную тюрьму. От последних движений в больших городах наше идиотское правительство совсем потеряло голову. Представьте себе, что оно еще за не-

делю до 22 апреля расставило драгун и казаков вокруг железнодорожных и городских мастерских и заводов, чтобы нагнать страх на рабочих и заставить их таким образом отказаться от празднования первого мая. Но рабочие не испугались: они решили отпраздновать свой праздник во что бы то ни стало. День праздника — 22 апреля (первое воскресенье после первого мая), а место сборища — Солдатский базар в центре города. Оттуда кортеж должен был направиться по Пушкинской улице на Эриванскую площадь, а потом на Дворцовую улицу и Головинский проспект. В назначенное время число собравшихся рабочих достигло до 3.000 чел. Сигнал был дан, и красное рабочее знамя поднялось и заколыхалось в воздухе; на нем были портреты Маркса, Лассалья и Энгельса и надписи на грузинском, армянском и русском языках: «Рабочие всех стран соединяйтесь!», «Да здравствует восьмичасовая работа!». При виде знамени раздались громовые голоса: «Да здравствует республика, да здравствует свобода, да здравствует восьмичасовая работа!». Администрации было известно о манифестации, и она заранее приняла свои меры: как только процессия двинулась, со всех сторон на участников ее набросились жандармы и сыщики, имея во главе известного своим зверством жандармского капитана Лаврова, полицейские и солдаты. Они били манифестантов нагайками и обнаженными шашками, у рабочих же почти ничего не было, кроме мускулистых рук для самозащиты. Невозможно описать ту возмутительную картину, которая получалась при поголовном избиении манифестантов. Страшная паника настала во всем городе. В некоторых местах остановилась конка: кучера соскакивали и бежали к месту побоища на помощь к своим братьям рабочим. Отчаянная борьба продолжалась три четверти часа; за это время много крови было пролито, много раненых пало! Вот падает раненый рабочий; он весь в крови; полицейские начинают топтать его ногами, а он, не переставая, продолжает кричать: «Да здравствует социализм, да здравствует восьмичасовая работа!». В другом месте одна женщина (там было несколько женщин манифестанток), увидев зверские удары одного пристава, с яростью напала на него, разорвала на нем мундир и целыми клоками стала вырывать у него волосы. Атлет-знаменосец Аракел (армянин) схватывает одной рукой обнаженную шашку, поднятую над его головой, и ломает ее на две части. Рабочий Махарадзе (грузин), получив три раны саблей, выстрелил несколько раз из револьвера и ранил двух городовых. Пристав Гедеванов тяжело ранен. Сам полицмейстер Ковалев, получив сильные удары в ногу вынужден был слезть с лошади и сесть в экипаж. Вскоре явились казаки, а за ними губернатор. Манифестанты были рассеяны. Целых три дня после того Тифлис был на военном положении. Арестованных много, хотя официальная газета «Кавказ» сообщает, будто их всего 41 человек. Немецкий студент, защищавший рабочих, получил тяжелые раны от полицейских и умер (?) в тюрьме.

Тифлис, май 1901 г.

От редакции «Дрошак».

Орган армянской федеративной революционной партии.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ.

Письмо первое.

То, что предвидели все, кто внимательно следил за развитием французской социалистической партии в последние годы, осуществилось: лионский конгресс завершился новым расколом партии, вторым по счету в течение года и, вероятно, не последним. Мы не принадлежим к числу тех, кто проливает по этому поводу слезы, хотя и понимаем, что необходимым условием успешной

борьбы пролетариата является объединение всех его сил, ибо вне объединения нет и не может быть планомерной социалистической борьбы. Ампутация всегда болезненна. Но подобно тому, как человеческий организм иногда оживает и расцветает после необходимой хирургической операции, так и революционная партия, чтобы быть в состоянии развивать и утилизировать все свои силы, чтобы укрепить свою оборонительную и наступательную позицию, вынуждена иногда круто порвать с элементами, задерживающими ее развитие, отвлекающими ее от той цели, которую она себе ставит, подтачивающими и ослабляющими ее революционную энергию. Именно такой момент переживает, по нашему мнению, в настоящее время французская социалистическая партия.

Процесс сплочения социалистических сил, начавшийся в 1892 г. и завершившийся полным объединением их на общем конгрессе 1899 г., происходил при условиях исключительно благоприятных для роста социалистической партии. Но эти же условия были неблагоприятны в том отношении, что бросили в ряды партии значительное число элементов, по существу не признававших самое основание социалистических теории и практики — принцип классовой борьбы. Объединенная партия оказалась слишком разнородной, чтобы сохранить то единство цели и то единство практической деятельности, без которого немислима ни одна партия, в особенности партия революционная. В недрах объединенной партии оказались, в сущности, две совершенно различные партии, из которых одна — громаднейшее большинство — оставалась верна традициям революционного социализма, т. е. оставалась на почве классовой борьбы, а другая — незначительное меньшинство — стала проповедывать антиреволюционную теорию «сотрудничества классов». Этим основным разногласием обуславливалось их различное понимание всей постановки партийной деятельности. Обе они одинаково признавали необходимость реформ, т. е. необходимость добиваться такого улучшения положения рабочего класса, которое возможно в буржуазном обществе, но в то время, как революционеры считали необходимым прежде всего отстаивать отдельное и самостоятельное существование классовой рабочей социалистической партии и оценивали всякие реформы лишь постольку, поскольку они способны укрепить оборонительную и наступательную позицию пролетариата в его борьбе за социализм, — в глазах других эти реформы составляли цель, являлись сами по себе благом, для достижения которого рекомендовалось постоянное сотрудничество с «соседними» демократическими партиями. Тогда как первые требовали, чтобы социалистическая партия руководилась во всей своей деятельности тем основным положением социалистической программы, по которому интересы пролетариата глубоко враждебны интересам всех фракций буржуазии (хотя это не отрицает возможности временных союзов с той или другой фракцией на почве определенных вопросов), — другие рекомендовали постоянную совместную деятельность более или менее демократически настроенной буржуазией, что предполагает существование постоянных общих интересов — и политических и экономических — у пролетариата и у этих фракций буржуазии.

Естественно, что на первых же шагах практического применения этих направлений между ними должны обнаружиться такие глубокие разногласия, которые заставят

их распрощаться и обособиться в отдельные организации. Бернштейн может ужиться рядом с Каутским в одной и той же партии лишь до тех пор, пока бернштейнство является только, если можно так выразиться, общей теорией компромиссов. Но как только социально-политические условия дадут возможность бернштейнству начать осуществляться в практических мероприятиях, между его направлением и направлением революционной социал-демократии неизбежно должен произойти раскол. Мильерандизм — это практика бернштейнства; вот почему он не мог ужиться рядом с революционным социализмом Гэда, Вальяна, Лафарга и мног. друг.

На какой почве вырос мильерандизм во Франции? Вопрос этот слишком обширный, и ответить на него достаточно подробно здесь нет никакой возможности. Но ответить на него необходимо, ибо иначе трудно разобраться в той сложной сети сталкивающихся и переплетающихся течений, которые приходится в настоящее время наблюдать в глубоко интересной и поучительной жизни французской социалистической партии.

Выше я сказал, что процесс сплочения социалистических сил во Франции происходил при условиях, исключительно благоприятных для роста социалистической партии. Вернее будет даже сказать, что именно под влиянием этих условий и начался, происходил и завершился этот процесс. Это было в начале девяностых годов. Между крупной городской и сельской буржуазией состоялся компромисс на почве экономической, компромисс, за которым вскоре последовало соглашение и на почве политической. Это соглашение знаменует собою начало самой мрачной реакции третьей республики, — реакции и политической и социальной. Демократические свободы, добытые столь дорогой ценой, стали явно попирались; все попытки самодетельности пролетариата жестоко и систематически преследовались; вся экономическая политика оппортунистских правителей явно стремилась служить интересам одного лишь крупного капитала. И в это-то время в стране, где мелкая буржуазия столь многочисленна, где экономическое положение этого класса становилось все более и более шатким и непрочным, не было никакой организованной буржуазно-демократической партии, которая явилась бы выразительницей интересов этого класса, которая выработала бы программу его экономических требований. Антиклерикальная демагогия одних, туманная декламация против «монополий» и «финансовых феодалов» других, да общая сонливость и дряблость всех — вот к чему свелась программа и деятельность некогда воинственной радикальной партии, не говоря уже о том, что большинство шефов этой мертвой партии скомпрометированы были в разных грязных «панмах» и проч.

Это отсутствие борьбы между промышленной буржуазией и землевладельческим классом, с одной стороны, и отсутствие организованной буржуазно-демократической партии, с другой, ставило социалистическую партию в исключительно благоприятное положение, но в то же время требовало от нее большой осторожности. Социалистическая партия, выразительница интересов пролетариата, явилась единственной деятельной, активной защитницей демократического строя. Помимо того, так как выставленная ею программа-минимум была по существу лишь расширенной программой прежней радикальной

партии, то она силою вещей оказалась не только революционной партией пролетариата, но и единственной реформаторской партией, к которой поэтому стали тяготеть наиболее прогрессивные, наиболее деятельные элементы радикальной буржуазии.

Такая сложная, ответственная роль могла быть выполнена лишь объединенной партией, и с тех пор объединение действительно начало осуществляться, сперва в парламенте, потом постепенно и в стране. Приступив к выполнению своей роли бодро и энергично, выставив в парламенте ряд блестящих талантов, борясь с реакцией изо дня в день, не уступая ей ни одной пяди без боя, социалистическая партия вскоре привлекла к себе симпатии всей демократии. Социализм вошел в моду. Всякий, кто недоволен был существующим, кто желал реформ, стал называть себя социалистом. Постепенно стали стираться границы—по существу столь глубокие—между революционным социализмом и буржуазным демократизмом. Тогда по требованию старых революционеров решено было вновь прорезать эту границу, — и Мильеран произнес свою известную речь-программу в avenue Saint-Mandé, с именем которой с тех пор связана эта памятная речь. Речь эта была произнесена в 1896 г., т. е. через три года после того, как составила парламентская социалистическая группа. Речь эта была крайне умеренная, как мы сейчас увидим, но в ней были перечислены три основных пункта интернациональной социал-демократии: признание принципа классовой борьбы, интернационального характера социалистической борьбы и необходимости социализации средств производства и обмена. Когда парламентская группа через несколько дней решила, со своей стороны, принять эти 3 пункта социалистической программы, 15 депутатов протестовали против этого и вышли из группы, заявив, что, хотя они и социалисты, но никогда не признают ни принципа классовой борьбы, ни интернационализма, ни коллективизма. Факт этот достаточно характеризует тот «социализм», который был тогда в моде во Франции. Как бы то ни было, партия отделалась от значительной части вторгшихся в нее мелкобуржуазных элементов.

Но и сам Мильеран, произнесший эту речь, был тоже своеобразным «социалистом». И в речи Saint-Mandé и во всех других своих программных речах Мильеран неизменно заявлял себя принципиальным противником революционного образа действия. Он ожидал осуществления социализма путем мирных и постепенных законодательных реформ. Социализация средств производства должна была, по его мнению, совершаться постепенно, по мере того, как одна отрасль производства за другою будет «созреть» для такого превращения. Социалистическая партия была в его глазах не независимой, отдельно от других партий существующей партией пролетариата, а «крайним левым флангом общей демократической партии». «Против олигархической и плутократической партии,—говорил он в 1898 г.,—стоит партия демократии, оставшаяся верной республиканским идеям и желающая, чтобы республиканская форма правления принесла все свои плоды: во главе ее идет социалистическая партия». И эта последняя должна в своей программе — минимум — выставить не специфические требования пролетариата, а требования таких реформ, на которых могли бы сойтись все партии, — и в числе таких реформ

Мильеран выставил, напр. в 1898 г. требование двухлетней военной службы и учреждение пенсионных касс для старцев и немощных. Выставляя такую программу «реформ», — заключал он, — «социалистическая партия произведет сильное впечатление и представит неопровержимое доказательство, что она является в настоящем смысле слова партией правительственной».

Неудивительно, что человека, который, «признавая» основные принципы социал-демократии, в то же самое время делал подобные заявления, — давно уже подозревали (как это признают теперь в печати Вальян, Гэд и мног. др.) в стремлении стать министром. И действительно, когда понадобилось ликвидировать дело Дрейфуса и буржуазии нужно было дать место в министерстве представителям «социализма», она обратилась к человеку, в глазах которого социалистическая партия была «в полном смысле слова правительственной партией». И Мильеран сделался министром.

Как только это вступление социалиста в министерство сделалось известным, революционеры очень энергично запротестовали. Неизбежным следствием этого акта должен был быть раскол. Тогда со всех сторон стали требовать, чтобы созван был общий съезд всех социалистических организаций и чтобы на этом съезде был решен, между прочим, и вопрос о Мильеране. Съезд состоялся в декабре 1899 г. Объединение было вотировано, но вопрос о Мильеране не был решен окончательно. Была принята принципиальная резолюция, гласившая, что принцип классовой борьбы не допускает вступления социалиста в буржуазное министерство, — и только. Когда один из участников съезда предложил, чтобы съезд обратился с требованием к Мильерану либо покинуть министерство, либо выступить из партии, то это предложение даже не было поставлено на голосование. Съезд ограничился своим принципиальным заявлением. Все сторонники Мильерана торжественно заявили, что подчиняются решениям большинства.

Но когда участники съезда раз'ехались по домам, все пошло по-старому. Постановление съезда толковалось сторонниками Мильерана в том смысле, что в будущем ни один социалист не может вступать в министерство без разрешения партии, но т. к. Мильеран вступил в министерство до того, как состоялось это постановление, то оно на него не распространяется. Вопрос этот по-прежнему разделял партию на два непримиримые лагеря, и съезду 1900 г. предстояло снова вернуться к нему. Так как на первом съезде за революционную тактику высказалось огромное большинство делегатов, то сторонники Мильерана в несколько раз увеличили число своих групп путем разделения более крупных организаций на множество мелких и привлечения большого числа профессиональных синдикатов и радикальных организаций: в то время, как на съезде 1899 г. было представлено 1200 мандатов, съезд 1900 г. насчитывал их свыше 2800. Большинство оказалось на стороне приверженцев Жореса и Мильерана, и вся Французская Рабочая Партия («гедисты»), наиболее сильная и дисциплинированная партия во Франции, предпочла покинуть съезд и порвать с партией, в которой открыто торжествовал мильерановский оппортунизм.

Несмотря на уход гедистов, их единомышленники (соц.-революционная партия—бывшие бланкисты—и не-

которые автономные организации) остались на съезде, чтобы попытаться найти почву, на которой могли бы сойтись все социалисты. В течение десяти месяцев они оставались в пределах партии, рассчитывая, что удастся все-таки изгнать из партии оппортунизм мильерандистов. Последнюю попытку они сделали на лионском конгрессе.

О том, что произошло на этом конгрессе, как и об его последствиях, я скажу в следующем письме.

[В. Даневич-Гуревич]

ПИСЬМО ИЗ ВЕНЫ.

Февральские и мартовские события в России не могли пройти незаметно для австрийского рабочего класса и передового австрийского студенчества. Сейчас после того, как киевские студенты были отданы в солдаты, во Львове собрались в одном ресторане все русские студенты и сообща выработали, напечатали и разослали во все студенческие кружки Австрии протест против варварства русского деспотизма. Кроме того, русские студенты составили на малорусском языке следующий адрес русскому передовому студенчеству, который они просят нас опубликовать в газете «Искра» «Товарищи! Последние события в русских университетах тронули до глубины души всю украинскую молодежь Австрии. Они опять показали нам все варварство и одичалость российских порядков, полицейской инстинкты и низкий моральный уровень университетских властей и отсталость той обстановки, среди которой приходится жить большей части украинской молодежи и всему студенчеству русского государства. Признавая всю необходимость и трудность борьбы, которую вы подняли для защиты своей чести и человеческих прав, мы высказываем наши симпатии и глубокое уважение тем товарищам, которые пали жертвами в этой борьбе. Мы, отделенные от вас солдатским кордоном, не можем прийти в ваши ряды и принять участие в той сечи, в которой вы падаете под ударом вражеских рук. Мы, к сожалению, осуждены в бездействии ожидать здесь известий с поля битвы! Но мы более чем убеждены, что борьба эта скоро окончится для вас полной победой, а потому от всей души поздравляем вас и восклицаем: счастливой борьбы, товарищи! Львов (Лемберг), 24 марта н. ст. 1901 г.»

Вскоре в Праге чешскими студентами-радикалами был учрежден комитет, на который была возложена обязанность заняться организацией во всех университетских городах Австро-Венгрии студенческих митингов для выражения симпатии русским борцам за свободу и для протеста против жестокой расправы, учиненной царскими опричниками в Петербурге и других русских городах. Решено было, чтобы митинги состоялись по всем городам в один и тот же день, но австрийская полиция, напуганная, как видно, женевской демонстрацией против русского консула, начала запрещать устройство подобных митингов, мотивируя свое запрещение 1) тем, что «нечего причинять обиды соседнему государству, с которым мы живем в мире» и 2) — студен-

ческие кружки все научные, а устраиваемые ими митинги носят политический характер, что законом не разрешается. Иначе посмотрело на это дело общество. Оно явилось на помощь студентам. В Праге союз социал-политиков созвал от своего имени собрание, на котором дал возможность чешским студентам выразить свое отношение к русскому рабочему и к русскому студенческому движению, с одной стороны, и к царизму — с другой. Политика русского царя подвергалась здесь такой резкой критике, что полицейский комиссар распустил собрание. С криками: «Долой русского царя! Да здравствует революция в России! Да здравствует русский рабочий народ!» студенты вывалили на улицу, стараясь демонстративно пройти мимо русского консульства. К студентам присоединились рабочие, возвращавшиеся в свою очередь с собрания, на котором парламентский депутат Игнатий Дашинский, хорошо знакомый с Россией (в одном из русских острогов ему пришлось просидеть полтора года за политическую агитацию среди поляков), говорил о положении дел в России. Демонстрация принимала грандиозные размеры, и полиции с большим трудом удалось рассеять толпу и помешать ей добраться до помещения русского консульства.

Венские студенты назначили свой митинг на 26 апреля. Полиция его не разрешила. Тогда этот же митинг был созван на 29 апреля политической рабочей организацией третьего участка города Вены. Митинг состоялся в первоклассном и самом большом по своим размерам ресторане Ронахера. Народу — большей частью студентов — собралось свыше 3.000. Зал не мог вместить всех желающих принять участие в протесте против порядков, существующих в России. Сюда же пришли и некоторые профессора и приват-доценты венского университета. После речей представителей студенчества, выразивших горячее сочувствие своим русским коллегам и русским рабочим, борющимся против царского деспотизма, на трибуну взшел депутат парламента Энгельберт Пернерсторфер, который начал проводить параллели между современным русским студенчеством и студенчеством австрийским 1848 г. и нынешним. Его речь произвела на всех присутствующих сильное впечатление. «С радостью отмечаю тот факт, — сказал он, — что венское студенчество оставило в стороне свою партийность, свое политическое разногласие и свои национальные распри, как только дело коснулось манифестации в пользу свободы». Только одна незначительная группа проживающих в Вене австрийских студентов сербов-националистов, все еще убежденных вследствие своей наивности и недалекости в том, что русский царь со своими солдатами спасет их от австро-венгерского гнета и даст им автономию, заявила в лице одного студента свою несолидарность с протестом в той его форме, какую он принял на этом митинге. Крики: «Долой! Будет!» заставили оратора сойти с трибуны, не кончив своей речи. От имени венских рабочих говорили на этом митинге депутат парламента Вильгельм Элленбоген. «Поступок русского правительства против Толстого, — говорил он, есть пощечина, данная русским абсолютизмом европейской культуре. Кровь, пролитая в Петербурге, — наша кровь: не чужды нам люди, борющиеся в России, мы их хорошо знаем; это люди, которые прошли ту же школу, что и мы: школу порабощения. Несколько лет тому

назад царь обратился ко всему образованному миру с предложением устроить повсеместный мир. Он ждет ответа, и мы его даем ему: пусть устроится раньше мир в твоем собственном государстве!» От имени польской колонии в Вене говорил один студент-технолог. «Я уполномочен,— сказал он,— от имени поляков выразить протест против поступка студентов-поляков варшавского университета, которые, руководствуясь каким-то узким, ничем не объяснимым национальным шовинизмом, отказались во вред собственному делу принимать участие в общем протесте студентов русских университетов. В борьбе с абсолютизмом все национальности должны идти рука об руку, и только в таком случае борьба эта будет успешна. Надеемся, что польские студенты в России поняли свою оплошность и впредь будут знать, как им поступать!».

Митинг закончился к полуночи. С пением революционных песен толпа медленно очищала место собрания. Раздавались крики: «Долой русского царя! Да здравствует социальная революция!»... На улице масса конных и пеших полицейских. Произведено несколько арестов. Толпа широко раскинулась по всему центру Вены. Полиция направила все усилия к тому, чтобы отстоять консульство и не допустить к нему демонстрантов. Одному моему знакомому все-таки удалось разными закоулками пробраться туда, и вот что он мне потом рассказал: «У ворот консульства двое городских, на углах улицы конные и пешие патрули, прохожим воспрещают останавливаться, в помещении консульства, несмотря на поздний час, светло. У ворот стоит сам консул, окруженный всей своей дворней. Два человека, которых я видел на митинге, ведут с ним оживленный разговор, как видно, рассказывают ему все, что видели и слышали на митинге. Я хотел было подойти поближе, но подоспевший полицейский приказал мне удалиться»...

Венский митинг произвел огромное впечатление, так что даже легальная русская печать не могла обойти его молчанием, хотя, как поступили, напр., царские «С. Петербургские Вед.» (см. ном. 116, от 30 апреля), старались загладить впечатление протеста наивным уверением, будто митинг был устроен одними немцами и евреями. Что недостатка в славянах и даже романах (румыны, итальянцы) на митинге не было, это факт. Факт также и то, что преобладали немцы и евреи, как заявляет «Нов. Время». Но гг. Суворины и Трубецкие, ведь смешно и ожидать, чтобы на митинге студентов немецкого университета преобладал славянский или романский элемент. А за доказательством того, что и славянские народы перестают видеть в русском царе поборника правды, прогресса и культуры, что и они изверились в благие обещания русского деспота и что и их симпатии находятся уже на стороне борющегося русского студенчества и рабочего класса, — ходить недалеко. Что сербы и болгаре — славяне, этого, кажется, никто отрицать не будет, а между тем всем известно, что в Белграде сербские студенты устроили митинг для выражения симпатии русским студентам, а затем и демонстрацию перед русским консульством, во время которой из уст братьев-славян раздавались возгласы, далеко не лестные для русского царя. О протесте болгар против русского деспотизма читатель найдет ниже особое сообщение.

* * *

Первое мая было отпраздновано с обычным торжеством. Работа нигде не производилась, даже городские работы были приостановлены. Рабочие кварталы носили праздничный характер. Вообще должен заметить, что австрийские, в особенности венские, рабочие знают цену интернациональному празднику, дню первого мая. Утром во всех частях города состоялись массовые собрания, на которых ораторы излагали рабочим цель и значение этого дня. Рабочие явились на собрания в воскресной одежде, у всякого на груди был майский значок и красная роза. На всех собраниях была вынесена одна и та же резолюция, в которой, между прочим, австрийские рабочие выражали свой протест против жестокости и варварства русского абсолютизма и свою солидарность с русским рабочим классом и революционным элементом из учащейся молодежи. После обеда русские устроили манифестацию. Демонстративно прошлись они отдельными организациями по всему городу и, соединившись на одной из главных улиц в один громадный цуг, направились в Пратер, загородный парк, где и провели весь остаток дня. Во многих местах играла музыка, рабочие распевали революционные песни, устраивали танцы и всякими другими способами старались достойным образом отпраздновать этот праздник труда.

В заключение замечу, что первого мая лекции в венском университете не читаются. Студенты социалисты своими демонстрациями добились того, чтобы дать возможность праздновать первое мая не только революционным представителям физического труда, но и революционным представителям труда умственного.

[В. Вегман]

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА АВСТРИЙСКИХ РАБОЧИХ.

На днях, в первых числах июля, в избирательном венском округе Фаворитен происходили выборы депутата в Нижнеавстрийский ландтаг, доставившие социал-демократам блестящую победу над буржуазными партиями. В этом провинциальном парламенте господствуют безраздельно злейшие, или, вернее, нелепейшие реакционеры Австрии, а, пожалуй, и всего цивилизованного мира, именно — антисемиты. Социал-демократам до крайности затруднен, можно сказать, загражден доступ в него большими ограничениями избирательного права, лишаящего, например, в округе Фаворитен 12.000 рабочих возможности участвовать в выборах. Кроме платежа известного налога, нужно еще иметь постоянное местожительство в течение трех лет в данном округе. Таким путем в Фаворитене больше половины взрослых мужчин, т. е. по меньшей мере четверть совершеннолетних рабочих, пользующихся избирательным правом для имперского парламента, лишены его для нижнеавстрийского ландтага. Только сравнительно хорошо поставленное меньшинство рабочего населения может участвовать в выборах для него. Вот почему социал-демократы австрийские и не пытались еще выступать со своими кандидатами при выборах в ландтаг.

На этот раз они решились попытать счастье, — и исход борьбы вполне оправдал их надежды. Борьба была ожесточенная и потребовала со стороны социал-демократов величайшего напряжения сил и энергии. Они выставили кандидатом Виктора Адлера, неутомимого организатора и руководителя австрийской рабочей партии. Но он не только социал-демократ, «потрясатель основ», враг народных эксплуататоров; он еще к тому же и еврей, а его про-

тивник — антисемит, да еще «социальный», т. е. моргающий невежественной массе мелкого люда ремесленников, лавочников и неразвитых рабочих громкими, хорошими словами и обещаниями разных «реформ». Затем, к услугам антисемитического кандидата были большие средства, доставленные дворянской и поповской партией для ведения широкой агитации и для покупки голосов; за него и в пользу его усердно работала городская управа, мошенническим образом составлявшая избирательные списки, из которых она, под разными предлогами, выключала многие сотни избирателей, заподозренных ею в сочувствии к социал-демократам. Наконец, начало выборов назначено было нарочно в 7 час. утра, когда большинство рабочих должно быть уже на работе. Прибавьте ко всему этому ложь, клевету, всевозможные небылицы, распространявшиеся антисемитами в своих газетах и бесчисленных воззваниях и листках, рассылаемых из дома в дом, — и вы получите представление о трудностях, с которыми рабочей партии пришлось бороться в последней избирательной кампании. И тем не менее она вышла победительницей, благодаря необычайному единодушию, энергии и самоотверженности передовых рабочих.

Недостаток материальных средств, притекавших в избирательную кассу антисемитической партии, социал-демократические рабочие восполнили энтузиазмом, страстным воодушевлением и горячим желанием видеть своего любимого вождя в ландтаге, лицом к лицу с защитниками и знаменосцами эксплуататоров, облекающимися в овечью шкуру. И велика же, безгранична была радость рабочего населения в Вене, когда победа стала известной. Рабочие прекрасно понимают, что, будучи единственным их представителем в ландтаге, Адлер не в состоянии будет добиться серьезных уступок для них: они знают, что одна ласточка весны не делает. Да и сам Адлер в собраниях во время избирательной агитации говорил им это. Но воспитанные социал-демократической пропагандой и агитацией передовые слои австрийского пролетариата привыкли оценивать свои освободительные усилия не копейками, даже не рублями, вообще не чистою или непосредственными выгодами, а значением их прежде всего для роста политического самосознания народных масс и влияния рабочей партии. А с этой точки зрения последняя избирательная победа австрийской социал-демократии над антисемитами является фактом очень важным и очень знаменательным. Отныне антисемитам⁷, этим лицемерным «друзьям народа», работающим на пользу попов и дворян, придется в нижнеавстрийском ландтаге часто выслушивать из уст своего опаснейшего противника горькие истины. Адлер будет разоблачать их двуличную политику по отношению к трудящимся классам народа, он будет вносить разные предложения и законопроекты в пользу этих классов. Обо всем этом будут знать рабочие из газет и отчетов самого Адлера в народных собраниях, — и волей-неволей господствующим в ландтаге и венской думе антисемитам придется все-таки кое-что осуществить из требований рабочей партии. Но, как уже замечено выше, не в уступках главное значение ее последней избирательной победы. Рабочие гордятся ею, как новым проявлением роста своей политической силы, и видят в ней брешь, пробитую им в неприятельской крепости.

ВЫБОРЫ В ЦЮРИХСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ.

В конце июня происходили выборы гласных в цюрихский городской совет. В Швейцарии, как известно, города пользуются чрезвычайно широким самоуправлением, и все совершеннолетние граждане, начиная с 21 года, обязаны участвовать в выборах городских гласных. Представительство в этих советах имеет, поэтому для социал-демократов не только агитационное, но и непосредственно практическое значение, как важное орудие для завоевания разных реформ в пользу рабочих. Но это обстоятельство имело своим последствием то, что швейцарские социал-демократы слишком долго на первом плане при выборах ставили вопрос о прямых, материальных выгодах, а из-за него забывали агитационно-пропагандистскую сторону

дела. Только в течение девяти лет годов они специально в Цюрихе начали изменять свою избирательную тактику, ставя на первый план интересы развития политической самостоятельности и классового самосознания пролетариата. Вместо того, чтобы торговаться или входить в сделки с либеральными или буржуазными демократами, продавая им свои голоса в обмен на обещание получить от них поддержку для социалистического кандидата, социал-демократы начали выступать совершенно самостоятельно, не заботясь о том, дадут им демократы свои голоса или нет. Особенно широко применена эта тактика на последних городских выборах в Цюрихе.

И результаты еще раз наглядно показали, что полная самостоятельность при выборах не только принципиально хороша, но и выгодна с точки зрения непосредственных интересов партии и рабочих масс. Прежде, когда социал-демократическая партия не решалась самостоятельно, без сделок с буржуазными демократами, выступать на выборах, она имела крайне мало представителей в городских и кантональных советах. Да и эти немногие представители считали себя обязанными своим избранием демократам. Трудно, почти невозможно было на основании выборов определить размер силы и влияния социал-демократов в рабочем населении. Последние же городские выборы доставили им 31 место в цюрихской думе. Социал-демократические гласные составляют четвертую долю общего числа советников думы. И — что особенно важно — они знают, что выбраны почти исключительно сознательными рабочими, а не по милости либеральных демократов. Вследствие этого они гораздо смелее, решительнее и резче смогут предъявлять и отстаивать разные требования в пользу рабочих. С другой стороны, и буржуазное большинство гласных, зная, каким влиянием пользуется социал-демократия в рабочих массах, волей-неволей будет считаться с требованиями ее депутатов, из опасения, что в противном случае еще большее число несоциал-демократов перейдет в лагерь социал-демократии. Но пойдут ли думские представители эксплуататорских партий на уступки или нет, — и менее развитые слои рабочих поймут, что истинной защитницей их интересов является одна только социал-демократия. Таким путем борьба самостоятельной рабочей фракции в думе со всеми буржуазными гласными является орудием и школой политического воспитания все новых и новых масс пролетариата в Цюрихе и его окрестностях, а косвенно и в других кантонах. Последние городские выборы в Цюрихе составят важный этап на пути освобождения швейцарского пролетариата от политической опеки буржуазии. В этом главное значение их результатов для социал-демократии.

БОЛГАРИЯ.

Апрель месяц н. г. ознаменовался в жизни Болгарии рядом событий, заслуживающих особенного внимания.

В день 20 апреля в конституционной Болгарии исполнилось 25-летие «Среднегорской революции», последствием которой было освобождение болгарского народа и дарование ему конституции⁸. Решено было достойно отпраздновать этот великий юбилей. Болгарский народ и его интеллигенция готовились воздать почести своим героям и смелым борцам за независимость, которые своею кровью и ценою рядом жертв добились свободы для родной страны.

Центром юбилейного торжества был город Панагюрище, бывший главным пунктом революционной борьбы в прошлую славную эпоху. Все слои народа и все партии послали туда своих делегатов. Сам князь, под влиянием торжественной атмосферы праздника, забылся до того, что сказал несколько сочувственных слов по адресу революционных деятелей, поклонился праху павших революционеров и провозгласил тост за оставшихся в живых их товарищей. Так вел себя тот самый князь Фердинанд, который упорно стремится ввести в Болгарии монархизм своих предков Бурбонов! Это был факт подлого княжеского лицемерия, за которым плохо скрывалось его всегдашнее желание сделаться в один прекрасный день «царем Болгарии и Македонии» (таковой тост и был произнесен одним из присутствовавших полковников).

Присутствие князя и других представителей официальной власти в Панагюрище — этом священном месте бывшей революционной борьбы—внесло нежелательный характер в празднование: патриотические речи, военные парады, княжеские тосты, банкеты, — вот что разыгралось здесь в день юбилея. Зато в остальных городах Болгарии юбилей отпраздновался с должной искренностью и торжественностью и носил чисто народный характер. Болгарская интеллигенция, носительница современных социал-демократических идеалов, принимала везде живое участие в праздновании и воспользовалась удобным случаем, чтобы будить сознание рабочих масс. Воскрешая в своих речах перед народом картины прошлой героической борьбы и образы революционеров-борцов за политическую свободу, она подчеркивала современное экономическое рабство рабочего класса и звала народ воспользоваться добытой политической свободой для завоевания свободы экономической. Ее предшествующая просветительная деятельность среди рабочих масс и горячие речи во время праздника по всем уголкам Болгарии вызывали в народе энтузиазм, и искренние возгласы за освободительную борьбу международной социал-демократии неслись со всех концов страны.

Так отпраздновал болгарский народ 25-летний юбилей славного революционного восстания.

В этом национальном празднике участвовали все города и деревни Болгарии, только столица ее, София, оставалась в этот день спокойной.

Причиной такого явления было странное постановление властей перенести празднование юбилея в столице на 23 апреля, когда была назначена торжественная закладка памятника Александру II, и соединить, таким образом, эти два торжества, ничего общего между собой не имеющие и по характеру своему совершенно исключают друг друга. Мотивировано было это постановление тем, что в отсутствие князя и официальных сфер, не может состояться празднование юбилея в столице Болгарии. Такого рода официальное распоряжение вызвало бурю негодования в общественном мнении и в печати. Вот что пишет по этому поводу «Рабочий Вестник»: «Правительство задумало слить торжества, не имеющие между собой ничего общего. Александр II был человек, олицетворявший мрачную русскую тиранию, которая и по сегодняшнему давит 130 милл. населения России, а Ботев, Левский, Бенковский — герои восстания 70-х годов — были люди, служившие революции. Они говорили, что народ не умеющий сам завоевать себе свободу, недостойн ее, поэтому они призывали болгарский народ восстать, как один человек, чтобы свергнуть тиранию. Александр же II посылал в Сибирь всякого, кто осмеливался мечтать о свободе. Если бы Ботев, этот бессмертный певец свободы, работал в России, то слуги Александра II наверняка уморили бы его. Левский — республиканец, отрицавший царей и князей, говорил, что когда освободится Болгария, он поедет в Россию бороться за освобождение русского народа от его царя. Так что, если бы ему удалось избежать турецкой виселицы, он не миновал бы русской. Вопреки всему этому, наше правительство приглашает народ низкопоклонничать перед русским царизмом в то самое время, когда он будет воспевать своих героев революции».

Живые элементы столицы встретили резким отпором такое насилие. 22 апреля, накануне предполагаемого двойного торжества, по инициативе студентов, социал-демократических организаций и македонских революционеров, был собран в Софии многолюдный митинг, на котором принята резолюция следующего содержания: «Собравшиеся протестуют против соединения революционного праздника с праздником в честь русского монархизма, — особенно в такой момент, когда русское царское правительство убивает мечом и нагайкой всякий проблеск русской свободной мысли; они выражают горячее сочувствие русским рабочим и студентам по поводу событий последнего времени в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе и т. д.; они осуждают болгарское правительство за его лакейство перед русской тиранией и решают не только не принимать участия в предстоящем празднике по случаю закладки памятника Александру II, но и выразить решительный протест».

На другой день, когда официальная Болгария преклонялась перед русским царизмом и делала овалы русскому консулу, тысячная толпа народа, рабочих и студентов с пением революционных песен демонстрировала по улицам столицы. Перед памятником незабвенного болгарского революционера, Василия Левского, демонстранты устроили шумные овалы, приветствовали Македонию, в которой теперь кипит революционная борьба, и энергично выраженным протестом против русского царизма приковали его к позорному столбу...

Таким образом, празднование 23 апреля вышло в столице Болгарии, Софии, действительно двойным, но только несоединенным, несмотря на все усилия правительства. Революционный юбилей был торжественно отпразднован народом на улицах столицы, но это празднование было резко отделено от празднования официальных сфер. Первое было решительным протестом против второго. Правительство не могло спокойно проглотить пилюлю, поднесенную ему истинной болгарской демократией и студенческой молодежью, которые подняли свой голос против лакеев русского царизма и высказали братскую солидарность с русскими борцами. Оно решило наказать протестующих. Услужливая полиция арестовала несколько граждан и студентов, которые и были задержаны в участке на сутки, вопреки закону. На другой день арестованные были освобождены. Но особенно жестоко решил расправиться с «виновными» студентами академический совет университета, этот прислужник правительства, оказавшийся в своем усердии еще более русофильским, чем оно само. Он решил уволить из университета трех студентов навсегда и 89 на время от одного до трех семестров. Это обстоятельство вызвало взрыв негодования в обществе. С каких это пор в Болгарии осуждение правительства в лакействе и выражение солидарности с русскими революционерами считается политическим преступлением? Болгарская конституция гарантирует всем гражданам свободу слова, печати и собраний, а студенты прежде всего граждане... Социалистическая и оппозиционная пресса забила тревогу. Было организовано несколько митингов. Вопрос о печати был перенесен в парламент. Здесь социал-демократический депутат сделал запрос министру юстиции, почему сразу не были освобождены арестованные. Министр ответил, что тут произошло недоразумение. Другой депутат сделал запрос министру-президенту, почему студенты уволены. Министр признал, что наказание действительно очень строгое, и сказал, что сделает распоряжение о принятии всех тех, кто подаст прошение о приеме.

ИЗ ПАРТИИ

Номер 11-ый «Рабочей Мысли» содержит очень богатый материал для характеристики положения петербургских рабочих в период промышленного кризиса. Материал этот лучше систематизирован и тщательнее обработан, чем в прежних номерах газеты. Из статей общего характера живо написана статья о мартовских днях «современные события», недурно внутренне обозрение. Передовая («Насущный вопрос») развивает политическую программу рабочего движения. Находя, что «пятилетняя школа» экономической борьбы русских рабочих уже окончилась, автор думает, что настало «время борьбы за права наши, за нашу жизнь (?) и свободу». Наконец-то! Облегченно вздыхает читатель, наконец-то и «Рабочая Мысль» нашла, что пора бы уж заняться политической борьбой.

Увы! Оказывается, что программа политической борьбы «Рабочей Мысли» построена на песце. «Мы прежде всего, — говорит он, — будем бороться теперь за свободу стачек, союзов и собраний, личности, слова и печати, потому что такая свобода — это повышение нашего заработка и сокращение рабочего дня» и затем переходит к вопросу о формах борьбы.

Итак, призывая к борьбе с самодержавным правительством, «Рабочая Мысль» не призывает к борьбе за свер-

жение самодержавия. Нет, она только желает добиться у самодержавия политических прав для рабочего класса. Каким образом совершится это чудо, каким образом при самодержавном строе могут существовать все указанные свободы, — об этом наш автор не говорит, да едва ли и сам представляет себе, как это случится.

Здесь не место критиковать это удивительное понимание политических задач нашего движения. Этой критики было более чем достаточно, чтобы вразумить тех, кто способен к вразумлению. С теми же, кто, несмотря на опыт нашего движения, продолжает цепляться за пошлую либеральную идею возможности достижения политической свободы без свержения самодержавия, без завоевания конституции, — с ними нельзя спорить, с ними пора бороться. Глубоко прискорбен и постыден тот факт, что петербургские социал-демократы допускают проповедь на столбцах своей газеты такого рода «программ», несостоятельность которых должна быть ясна всякому сознательному рабочему.

Нам доставлено сообщение о деятельности образовавшейся в этом году в Киеве группы «Рабочей Воли». Согласно этому сообщению, из Киевского Комитета Росс. С.-Д. Партии выделились лица, недовольные направлением его деятельности, и вместе с другими социал-демократами, образовали новую группу, которая «признала необходимым главное внимание обратить на развитие массового политического самосознания в рабочих, признала необходимым самую широкую политическую агитацию». Группа не сочла возможным работать в пределах Комитета в силу его склонности к «экономической» агитации в ущерб «политике».

Мы не знаем, насколько обосновано это обвинение Киевского Комитета в пренебрежении к политическим задачам социал-демократии. Напротив того, сведения, которые мы имеем из других источников, равно как и факт агитации Киевского Комитета во время студенческих волнений, позволяют думать, что «экономизм», одно время процветавший на берегах Днепра, потерял свое обаяние. Приводимые группой «Рабочей Воли» факты, относящиеся к этой стороне дела, по нашим русским условиям, слишком стары и не могут служить для характеристики взглядов теперешнего Комитета.

Нам, конечно, может быть только приятно возникновение новых групп, принимающих ту программу и тактику, которые мы пропагандируем. Поэтому, и выступлению группы «Рабочей Воли» с резкой и несколько юношески-задорной критикой отечественного «бернштейнианства» мы можем только порадоваться, особенно в виду выражения новой группы сочувствия нашему изданию. Однако, наше удовольствие омрачается некоторыми признаками политической незрелости, проявляемой новой группой. «В настоящее время группа особенно заинтересована в том, чтобы дать возможность рабочему классу самому вести свои дела». Благое желание, обязательное для всякого социал-демократа! Для достижения этой цели социал-демократия должна как можно серьезней относиться к своей просветительной деятельности, должна всеми зависящими от нее средствами поднимать уровень самосознания рабочих, должна стремиться поднять рабочего до понимания сложных вопросов политической деятельности, а не упрощать искусственно эти вопросы, чтобы приспособить их к наличному уровню понимания тех или иных рабочих. Развивая политическое самосознание рабочего класса, мы достигаем того, что он из своей среды вырабатывает действительно рабочую интеллигенцию, которая станет во главе его не для того, конечно, чтобы выбросить за борт интеллигенцию, перешедшую на сторону пролетариата из других слоев общества, но чтобы свой практический опыт соединить с ее теоретическим знанием и революционной выучкой.

Не так, повидимому, полагает новая группа. «С этой целью центральное управление делами поручено самим рабочим. Интеллигенты являются лишь исполнителями того или другого решения».

Хорош или плох этот порядок, читатели? А это смотря по тому, каковы данные интеллигенты. Если они по недостатку ли революционного опыта или политических знаний не могут считаться достаточно зрелыми членами политической организации, то всего лучше им ограничиться ролью «исполнителей того или другого решения». От такого разделения труда дело может только выиграть. Это ясно, как день. Но также ясно, что такое разделение функций должно собразоваться только со степенью зрелости данного деятеля, а отнюдь не с тем, кто он такой по профессии — рабочий или «интеллигент». Казалось бы, что кроме вреда может произойти для дела от того, что какая-либо ценная сила будет устранена от участия в «решениях» и оставлена в роли «исполнителя» по тому собственному случаю, что сила эта одета в сюртук, а не в рабочую блузу, а между тем «рабочий класс должен сам вести свои дела». Удивительное рассуждение! Вместо того, чтобы энергично работать над ростом пролетарской интеллигенции, предлагается той интеллигенции, которая готова отдать свои силы пролетариату, отдавать их только в той степени, в какой это требуется для того, чтобы «исполнять то или другое решение».

Эта искусственная черта, проводимая между товарищами-интеллигентами и товарищами-рабочими, сближает, как это ни странно, новую киевскую группу с представителями того самого «экономизма», против которого она сползается. «Экономисты» тоже всегда стояли на том, чтобы интеллигенты только выполняли решения рабочих и не «навязывали» им своего понимания партийных задач. Но у «экономистов» такое требование было совершенно естественно: они ведь к тому и стремились, чтобы деятельность социалистов отражала не их собственное понимание целей движения, а то понимание, которого в данный момент достигли рабочие того или другого района. Но что понятно у сторонников «экономизма», является совершенно непонятным у их противников. И, мы уверены, всякий сознательный социалист-рабочий также горячо запротестует против этого ненужного расшаркивания перед его «мускулистой рукой», как и против всякого барского отношения к пролетариату. Положение человека в организации не должно определяться количеством его дипломов, это несомненно, но оно не должно определяться и количеством мозолей на руках. Только степенью полезности для дела, степенью преданности ему и революционными способностями должно определяться это положение: таков единственный демократический принцип социалистической организации. Отмеченная черта новой группы киевских товарищей представляет крайне нежелательное в партии явление, с которым приходится нынче бороться, как с «модной болезнью». Этой болезни мы надеемся посвятить отдельную статью.

Группа «Рабочей Воли» издала за два месяца (март—май) пять «Листков Рабочей Воли» — гектографированного периодического органа с политической окраской.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

Петербург. Травля литераторов продолжается. Сверх уже названных высылке подверглись: Г. Фальборк, В. Чарнолусский, Л. Пантелеев и его жена, В. Воронцов (В. В.) и А. Калмыкова.

Относительно одной категории высланных интеллигентов предупреждает местные власти нижеследующий документ:

М. В. Д.

Секретно.

Костромского Губернатора

Циркулярно.

По канцелярии.

19-го июня 1901 г.

№ 1370. Г. Кострома.

Гг. Полицейстеру г. Костромы, исправникам Костромской губернии.

По рассмотрении в особом совещании, образованном согласно ст. 34 Положения о государственной охране, обстоятельств дела о проживающих в Спб. нижепоименованных лицах, обвиняемых в политической неблагонадежно-

сти, г. министр внутренних дел постановил: воспретить жительство в университетских городах и фабричных местностях литератору Петру Павлову Маслову и доктору философии Михаилу Михайлову Филиппову на три года, лекаря Василию Павлову Воронцову, дворянину Владимиру Адольфову Генейзеру, прис. пов. Владимиру Леонидову Глинке, студенту Института Путей Сообщения Владимиру Александрову Заславскому, помощнику присяжн. поверяемого Митрофану Павлову Ульчину (?), фельдшернице Варваре Федоровой Кожевниковой, сыну коллежского ассесора Владимиру Павлову Кранихфельду, отставному штабс-капитану Владимиру Викторову Лесевичу, редактору статистического отделения Городской управы Александру Емельянову Ласицкому, инженеру путей сообщения Николаю Георгиеву Михайловскому, лекарю Ефимию Григорьеву Мунблиту, потомственному почетному гражданину Алексею Васильеву Пешехонову, секретарю 3-го отдела Вольно-Экономического Общества Владимиру Владимирову Святловскому и санитарному врачу С.-Петербургского земства Захарию Григорьеву Френкелю на два года и инженер-технологу Иосифу Теофилову Зябичику на один год, а лекарю Моисею Леонтьеву Хейсину лишь в фабричных местностях на два года.

Об изложенном вследствие отношения департамента полиции, от 13 июня за № 7489, даю знать гг. полицмейстеру и уездным исправникам для зависящих распоряжений к воспрещению означенным лицам жительство во еверенной мне губернии на вышеуказанные сроки, исчисляя таковые с 5 июня 1901 г.

Подписал: Губернатор в должности егермейстера высочайшего двора И. Леонтьев.

ГОЛОД ИДЕТ!*

На горизонте снова голод... Как говорят «Петербург. Ведом.»: «О видах на урожай в настоящее время приходят неблагоприятные, тревожные известия, и то обстоятельство, что оглашает их официальное издание („Торгово-Промышленная Газета“), делает их еще более тревожными, так как опыт предыдущих неурожайных годов показал, что официальные известия о недороде являются самыми запоздалыми, когда уже факт недорода делается слишком очевидным».

«Недород», — или, переводя это канцелярское выражение на человеческий язык — голод грозит Нижегородской, Казанской, Вятской, Пермской, Уфимской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Рязанской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Курской, Екатеринославской, Харьковской, Таврической губ. и Донской Области; сверх того части Северного Кавказа, Польши и Прибалтийских губерний.

На горизонте экономической жизни — голод, а на горизонте нашей общественно-политической жизни виднеются знакомые картины: борьба правительства с земством за определение «действительного размера нужды», урезывание министерскими ножницами сметных сумм продовольственной помощи, обычное цензурное урезывание всех газетных сообщений о голоде и голодном тифе, бесшабашное издевательство местных властей над голодающим населением, имеющее целью заставить мужика вкушать лебеду вместо хлеба, и не стонать при этом и — как венец всего — всесторонний поход правительства против помощи голодающим, организуемой общественной благотворительностью: травля деревенской интеллигенции,

закрывание кружков для помощи голодающим, запрещение концертов в их пользу, закрытие столовых. Чего следует ожидать в этом отношении — об этом можно судить по ведущейся в настоящее время «кампании» херсонского губернатора против земских врачей, организовавших помощь голодающим Херсонской губернии. Совсем на-днях запретили оказывать помощь голодающим господам Успенской, Журавской и другим.

В третий раз за последнее десятилетие России предстоит пережить повальную голодовку. Но если в 1891—1892 годах русская демократия только начинала собираться с силами после долгой летаргии 80-х годов, если к 1897—98 г. она была всецело поглощена организацией первых кадров борцов за свободу, то к 1901 г. обе ее части — и революционный пролетариат и прогрессивная интеллигенция — значительно лучше организованы и вооружены и могут повести систематический поход против существующего строя. Еще не смолк шум первой открытой схватки с правительством, еще не улеглось волнение мартовских дней, правительство еще не оправилось от нравственных поражений и все усиливающаяся безработица, охватившая громадные районы, каждодневно революционизирует умы пролетариата.

В этот момент на страну надвигается черная туча народного бедствия, и правительство готовится снова разыграть свою гнусную роль бездушной силы, отводящей кусок хлеба от голодного населения, карающей всякое невходящее в виды начальства «оказательство» заботы о голодных людях. Пусть же и русская демократия готовится с честью встретить этот момент новой борьбы царской опричнины с обществом и народом.

«В народ!» Пусть этот лозунг об'единит всех тех борцов за прогресс, которые в силу тех или иных обстоятельств стоят вне революционной борьбы. «В народ!» — несмотря и вопреки тем рогаткам, которые будет ставить правительство; «в народ!» — нравится ли это администрации или нет. Если вам запретят устраивать кружки помощи голодающим, — устраивайте их тайно; если вам запретят печатать в газетах сведения о положении голодающих, — публикуйте их нелегально; если вам запретят призывать открыто к организации общественной помощи, — призывайте через посредство подпольной печати. И на каждый акт правительственного произвола, на каждое правительственное преступление против жизни голодной деревни — отвечайте общественным протестом. Бойкотуйте и подвергайте публичному посрамлению тех общественных деятелей, которые будут стоять за преуменьшение ссуды голодающим; организуйте протесты против правительственных запрещений общественной помощи, демонстраций против администраторов, которые будут отличаться рьяным выполнением гнусных предначертаний высшей власти; поддержите открытым выражением сочувствия тех, кто подвергнется гонению за исполнение гражданского долга.

И прежде всего и главнее всего — обличайте! Обличайте всех чиновников, которые будут греть руки на народном бедствии, обличайте всех расхитителей достояния, предназначенного голодающим, всех героев цензурного намордника и «пресечения» общественной помощи. Обличайте: «Искра» предлагает свои столбцы для начатия обличительной кампании против «продовольственной кампании», которую поведет правительство.

* Номер был уже сверстан, когда в газетах появились известия об ожидаемом повальном недороде.

А вы, товарищи, вы, социалисты всех фракций, должны сделать все возможное, чтобы на гул культурно-либеральной борьбы за накормление голодных откликнулось грозное эхо революционного протеста. Поддерживая каждый общественный протест за право помогать голодающим, придавайте ему сознательно-политический характер! Революционизируйте общественное мнение и направляйте его против главных виновников бедствия! Организуйте на местах агитацию за расширение ссуд голодающим, призывайте к протестам против урезывания этих ссуд правительством! Покажите рабочим, что государственный строй, который, обострив процесс промышленного развития, отнял у пролетариата всякие средства самопомощи против бедствий кризиса, — что это тот самый строй, который, усиливая и обостряя нищету в деревне, оставил ее беспомощной в деле борьбы с последствиями неурожая. Призывайте рабочих к поддержке протестов общества, зовите их брать на себя инициативу организации таких протестов; через посредство городских рабочих обращайтесь к крестьянам и перед ними обличайте преступную политику самодержавия.

И если России суждено еще раз перенести «голодный год», пусть, отходя в вечность, он оставит за собой не одни опустелые хаты вымершего населения, не одно

умножение безлошадных и бесхозных, не одно усиление бедствий безработицы, созданной нынешним кризисом, не одно увеличение «горя, нищеты, вырождения и одичания», но пусть передаст своему преемнику во сто крат усиленное общественное возмущение и кадры готовых к борьбе и победе борцов за низвержение преступного и безнравственного режима.

[Л. Мартов]

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Обещанный нами в прошлом номере отзыв о предисловии г. Р. Н. С. к «Записке» Витте составил целую статью, которая будет помещена во втором номере «Зари».

Получено из-за границы через К. Г. — 209,10 фр., через Д. Д. 70,25 фр. (из них 5 фр. от Ниночки), из М-на 68 мар.

Опечатка. В заметке «Чествование Курицына» вклялась опечатка: вместо Хробязгин надо читать Дробязгин.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Новое Время» — консервативная газета, издававшаяся Сувориним с 1876 г. Представляла классический пример беспринципности, приспособившейся к бюрократическим веяниям (Шедрин прозвал его: «Чего изволите»).

Прим. 2. Из петербургских стачек конца 70-х годов особенно крупную роль сыграла стачка на Новой Бумагопрядильне 27 февраля 1878 г., протекавшая при участии кружка землевольцев среди фабричных рабочих (Гоббст и др.). Рабочие обратились с прошением к царю, жалуюсь на фабричные порядки. Стачка была предметом напряженного внимания всех питерских рабочих (не говоря уже о социалистах), и неудача хождения к царю ткачей и прядильщиков с Обводного канала была полезным уроком для широких рабочих кругов. В 1879 г. стачка на Новой Бумагопрядильне повторилась, хотя тоже неудачно. Стачечное движение охватило и некоторые другие фабрики (Шау, Чешера и др.).

Прим. 3. 1895 г. ознаменовался стачками рабочих металлургического и механического производства (в Новом Адмиралтействе и на Путиловском — в Петербурге, у Бромля, Гужона и у др. — в Москве) и текстильных рабочих (в Центральном районе — напр., на Корзинкинской мануфактуре в Ярославле, у Гандурина в Иваново-Вознесенске, у Прохорова и Мазурина в Москве; в Петербурге — у Торнтон и Лебедева). В 1896 году движение текстильщиков охватило около 30.000 рабочих (на петербургских фабриках Кенига, Воронина, на Сампсониевской и Калининской мануфактурах, у Максвеля, Паля и т. д. В стачечном движении принимали деятельное участие в качестве руководителей соц.-демократические организации этого времени: «Петерб. Союз Борьбы за освобождение рабочего класса» (в 1895 г. под руководством Влад. Ильича), «Московский рабочий союз» и др.

Прим. 4. Тотчас же после январской стачки 1897 г. была создана комиссия для выработки нового закона. С изумительной для того времени быстротой проект закона прошел через все инстанции и стал законом 2 июня 1897 г. Сущность закона сводилась к ограничению рабочего дня 11½ часами, ночной работы — 10 часами, сокращению предпраздничного рабочего дня до 10 час. и некоторому ограничению системы сверхурочных работ.

Прим. 5. «Московские Ведомости» — самый махровый черносотенный орган, во главе которого стоял сначала Катков, потом Грингмут и, наконец, известный ренегат Лев Тихомиров.

Прим. 6. Попко, Григ. Анфим., сначала мирный пропагандист (в организации Заславского), потом, после экзекуции, произведенной Треповым над Боголюбовым, выступает с террористической программой и приобретает себе сторонников в лице влиятельнейших революционеров на юге России в конце 70-х годов — Д. А. Лизогуба и Валериана Осинского.

Прим. 7. В оригинале: «социал-демократам» — явная опечатка.

Прим. 8. Освободительное национальное движение в Болгарии достигло своей высшей точки в 1876 г. Вследствие вмешательства России (война с Турцией в 1877 — 78 гг., объявленная под флагом «освобождения братского народа от турецкого ига», а на самом деле выражавшая империалистическую политику русского правительства, стремившегося к гегемонии на Балканском полуострове), Турция должна была согласиться на образование болгарского вассального княжества. В 1879 г. в Тырнове народное собрание приняло сравнительно либеральную конституцию.